

ТЭД УИЛЬЯМС

ТРОН ИЗ КОСТЕЙ ДРАКОНА

ТОМ 2

ПАМЯТЬ,
СКОРБЬ
И ШИП
КНИГА ПЕРВАЯ

fanzon

Тэд Уильямс
Трон из костей дракона. Том 2
Серия «Fantasy World. Лучшая
современная фэнтези»
Серия «Память, Скорбь
и Шип», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63966307
Трон из костей дракона. Том 2 / Тэд Уильямс: Эксмо; Москва;
ISBN 978-5-04-113968-1

Аннотация

Первый роман прославленной трилогии «Память, Скорбь и Шип», названной в честь трех легендарных мечей.

Это история Саймона, юноши, работающего на кухне королевского замка и ученика мага. Фантазии и мечты о великих победах и героических подвигах становятся шокирующей реальностью, когда его мир разрывается на части в огне гражданской войны – войны, питаемой древней ненавистью, бессмертными врагами и мрачным колдовством.

Том 2 двухтомного издания романа.

Больше интересных фактов об этой книге читайте в [ЛитРес: Журнале](#)

Содержание

Часть вторая	5
Глава 26	5
Глава 27	50
Глава 28	92
Глава 29	120
Часть третья	145
Глава 30	145
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Тэд Уильямс

Трон из костей дракона. Том 2

Tad Williams

THE DRAGONBONE CHAIR. Book One of Memory,
Sorrow and Thorn

Copyright © 1988 Tad Williams by arrangement with
DAW Books, Inc.

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский
язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2021

Часть вторая

Саймон Странник

Глава 26

Дом Джелой

#

В дверном проеме стояла женщина, освещенная теплым, падавшим из дома светом, но она не двигалась и ничего не говорила, пока спутники шли по деревянному мосту, спускавшемуся от порога к берегу озера. Саймон следовал за Бинабиком, осторожно прижимая к себе Лелет, и в голове у него то и дело возникал вопрос: почему у этой женщины Джелой нет более надежного входа, хотя бы с веревочными перилами, – уставшие ноги едва удерживали его на узком мостике.

«Наверное, дело в том, что к ней редко приходят гости», – подумал он, глядя на быстро темнеющий лес.

Бинабик остановился перед последней ступенькой и поклонился, едва не столкнув Саймона в тихие воды озера.

– Валада Джелой, – проговорил тролль. – Бинбизнес Минтахокис просит твоей помощи. Я привел путников.

Женщина в дверном проеме отступила, позволяя им войти.

– Избавь меня от наббанайских конструкций, Бинабик. – У нее был резкий, но музыкальный голос, со странным акцентом, но, вне всякого сомнения, женский. – Я знала, что это ты. Кантака здесь уже целый час. – Волчица, оставшаяся на противоположном конце мостика, у самого берега, наострила уши. – Конечно, я буду рада вас принять. Неужели ты думал, что я могу тебе отказать?

Бинабик вошел в дом. Саймон последовал за ним, отставая на шаг.

– Куда положить девочку? – спросил он, успев заметить высокий потолок и длинные трепещущие тени, которые отбрасывало множество свечей, и тут перед ним возникла Джелой.

Она была в грубом платье из серовато-коричневой материи, перехваченном поясом, ростом где-то между Саймоном и троллем, широкое загорелое лицо покрывали морщины, собравшиеся вокруг глаз и рта. Короткие темные волосы поседили так, что Джелой чем-то напоминала священника. Но внимание Саймона привлекли желтые глаза – круглые с тяжелыми веками и черными, как смоль, зрачками, глаза старого мудрого человека. Казалось, они принадлежали древней птице, парящей высоко в небе, в этой женщине чувство-

влась такая сила, что Саймон замер на месте. У него возникло ощущение, что Джелой за одно короткое мгновение оценила его, взвесив, точно мешок. Когда ее взгляд, наконец, переместился на девочку у него на руках, Саймон почувствовал себя пустым, как мех, из которого выпили все вино.

– Ребенок ранен, – сказала Джелой, и это не было вопросом.

Саймон молча позволил ей забрать Лелет, а Бинабик шагнул вперед.

– На нее напали собаки, – сказал тролль. – Собаки с печатью Стормспайка.

Если Саймон рассчитывал увидеть на лице Джелой удивление или страх, его ждало разочарование. Она быстро подошла к лежавшему на полу набитому соломой матрасу и положила на него девочку.

– Найдите еду, если вы голодны, – сказала она. – А мне нужно поработать. За вами кто-то следил? – спросила она.

Бинабик принялся поспешно рассказывать ей о последних событиях, пока Джелой снимала одежду с неподвижного тела девочки, и в этот момент в дом вошел Малахия. Он присел на корточки возле матраса, наблюдая, как Джелой промывает раны Лелет, а когда наклонился слишком низко, мешая ей, валада мягко коснулась плеча мальчика покрытой веснушками рукой. Она не отпускала его некоторое время, Малахия поднял на нее взгляд и вздрогнул, затем снова на нее посмотрел, и Саймону показалось, что между ними что-

то произошло. Но уже в следующее мгновение Малахия отвернулся и сел у стены.

Бинабик подбросил дров в костер, горевший в глубокой яме в полу, и дым — его было на удивление мало — стал подниматься к потолку; Саймон сообразил, что там должна быть труба, прятавшаяся в тени.

Сам дом, состоявший из одной большой комнаты, во многом напомнил Саймону зал для занятий у Моргенеса. На обмазанных глиной стенах висело множество странных предметов: аккуратные связки веток с листьями, мешки с сушеными цветами, ронявшими на пол лепестки, стебли, тростник, длинные скользкие корни, которые, казалось, только что выбрались из озера. Кроме того, мерцавший огонь играл на многочисленных черепах животных, отражаясь от их блестящих поверхностей, но не проникал в темноту провалов глаз.

Одну стену на высоте бедер делила на две части полка, застеленная корой; на ней также были собраны диковинные предметы: шкуры животных, крошечные пучки палочек и костей, красивые, сточенные водой камни всех форм и цветов, а также тщательно сложенные свитки, рукояти которых торчали наружу, точно лучина для растопки. Саймон не сразу понял, что это вовсе не полка, а стол, столько всего интересного там лежало; рядом со свитками он заметил стопку тонких пергаментов, перо и чернильницу, сделанную из черепа какого-то животного.

Кантака тихонько заскулила, ткнулась носом ему в бедро, и Саймон погладил ее по голове. На ушах и морде у нее еще не зажили многочисленные царапины, но мех был тщательно очищен от запекшейся крови. Саймон отвернулся от стола к широкой стене с двумя небольшими окнами, выходившими на озеро. Солнце уже зашло, и отблески свечей ложились на воду двумя неровными прямоугольниками; Саймон видел на их фоне свой собственный долговязый силуэт, подобный зрачку блестящего глаза.

– Я согрел немного супа, – сказал Бинабик у него за спиной и протянул ему деревянную миску. – Мне и самому не помешает поесть. – Тролль улыбнулся. – Как и тебе, и всем остальным. Надеюсь, мне больше не доведется пережить еще один такой день.

Саймон подул на горячий суп, потом немного отпил, он оказался терпким и немного горьковатым, как подогретый сидр с пряностями.

– Очень вкусно, – сказал он. – А что здесь?

– Пожалуй, будет лучше, если ты не будешь знать, – хитро ухмыльнулся Бинабик.

Джелой слегка приподняла брови и удостоила Бинабика пристального взгляда.

– Прекрати, тролль, иначе у юноши будет болеть живот, – недовольно фыркнула она. – Немного меда, одуванчик и камень-трава, ничего больше, юноша.

Казалось, Бинабику стало стыдно за свои слова.

– Мои извинения, валада.

– Мне нравится, – повторил Саймон, опасаясь, что каким-то образом обидел Джелой, пусть даже став объектом шуток Бинабика. – Благодарю вас за то, что вы нас приютили. Меня зовут Саймон.

– Угу, – пробормотала Джелой и продолжила обрабатывать раны Лелет.

Смущенный Саймон доел суп, стараясь делать это бесшумно, Бинабик забрал у него миску и снова ее наполнил; Саймон расправился с ней почти так же быстро.

Бинабик принялся расчесывать густую шерсть Кантаки короткими толстыми пальцами, выбрасывая колючки и сучки в огонь. Джелой молча перевязывала раны Лелет, Малахия наблюдал за ней сквозь свисавшие на лицо темные волосы. Саймон нашел относительно свободное место и сел, опираясь спиной о стену.

Легион сверчков и других ночных насекомых наполнил тишину ночи пением, Саймон погрузился в глубокий сон, и его сердце стало биться медленнее.

Когда он проснулся, ночь еще не закончилась. Он с глупым видом потряс головой, надеясь, что так поскорее придет в себя после слишком короткого сна, и ему потребовалось несколько мгновений, чтобы вспомнить, где он находится.

Джелой и Бинабик о чем-то негромко беседовали, женщина сидела на высоком стуле, а тролль устроился на полу,

скрестив ноги, как ученик. Саймон разглядел за их спинами на матрасе темные очертания и почти сразу узнал спавших Малахию и Лелет.

– Не имеет значения, умен ты или нет, Бинабик, – говорила женщина. – Тебе повезло, а это гораздо лучше.

Саймон решил, что ему следует дать им знать о своем пробуждении.

– Как девочка? – зевнув, спросил он.

Джелой бросила на него мрачный взгляд.

– Очень плохо. У нее серьезные ранения и сильная лихорадка. Северные псы... очень плохо, когда они тебя кусают. Мерзкие твари питаются гнилой плотью.

– Валада сделала все, что возможно, – сказал Бинабик.

Он что-то держал в руках: новый мешок, который шил, продолжая говорить. «Интересно, где тролль найдет дротики взамен старых? – подумал Саймон. – Может, он хочет спрятать туда меч... или нож! Когда люди отправляются на поиски приключений, у них всегда есть с собой меч, или острый ум, или магия».

– А ты рассказал ей... – Саймон колебался. – Ты рассказал про Моргенеса?

– Я уже знала. – Джелой смотрела на него, и огонь отразился в ее блестящих глазах. Она говорила решительно и обдуманно. – Ты был с ним, юноша. Я знаю твое имя, и я почувствовала метку Моргенеса, когда прикоснулась к тебе, забирая девочку. – И она показала ему широкую мозолистую

ладонь.

– Вы знали мое имя?

– Я знаю многое, когда речь идет о вещах, связанных с доктором. – Джелой наклонилась и поворошила поленья длинной почерневшей палкой. – Мы потеряли замечательного человека, которого нам следовало сберечь.

Саймон колебался. В конце концов любопытство победило.

– Что вы хотите сказать? – Он переместился так, чтобы оказаться рядом с троллем. – Иными словами, что означает *нам*?

– *Нам* означает всех нас, – ответила Джелой. – «Мы» это те, кто не приветствует тьму.

– Я рассказал Джелой о том, что с нами случилось, друг Саймон, – негромко заговорил Бинабик. – Не секрет, что я сам не очень понимаю, что происходит.

Джелой состроила гримасу и поправила грубое платье.

– И мне нечего добавить... пока, – ответила она. – Однако я не сомневаюсь, что необычная погода, которую я наблюдала на своем уединенном озере, летевшие на север гуси, которым следовало отправиться туда две недели назад, все удивительные явления, что происходят в это странное время года. – Она сложила ладони, словно собиралась помолиться. – Они настоящие, и перемены, которые они предвещают, также настоящие. Они реальны.

Джелой тяжело опустила руки на колени и посмотрела на

Бинабика и Саймона.

– Бинабик прав, – продолжала она после долгого молчания. Сидевший рядом тролль мрачно кивнул, но Саймон подумал, что он увидел удовлетворенный блеск в глазах тролля, словно тот получил замечательный комплимент. – За тем, что сейчас происходит, стоит много больше, чем соперничество короля и его брата. Войны королей уродуют землю, вырывают с корнями деревья и заливают поля кровью. – В костре треснуло полено и в облаке искр разлетелось на мелкие куски, и Саймон вздрогнул. – Но сражения между людьми не приносят темные тучи с севера, не приводят к появлению голодных медведей, которые покидают свои берлоги в Майамонте.

Джелой встала и потянулась, и широкие рукава ее одеяния стали похожи на крылья птицы.

– Завтра я попытаюсь найти для вас какие-то ответы. А теперь нам всем следует поспать, пока есть такая возможность, потому что я боюсь: лихорадка у девочки может ночью усилиться.

Она отошла к дальней стене и начала доставать с полки маленькие кувшины. Саймон разложил свой плащ на полу возле огня.

– Пожалуй, тебе лучше не спать так близко к огню, – сказал Бинабик. – От случайной искры может загореться одежда.

Саймон бросил на него осторожный взгляд, но тролль,

казалось, не шутил. Тогда Саймон передвинул плащ на несколько футов в сторону, улегся, попытался сделать из капюшона подушку и накрылся полами. Бинабик лег рядом, стараясь поудобнее устроиться.

Песня сверчков стихла. Саймон смотрел в темноту, что клубилась среди потолочных балок, и вслушивался в тихий шорох ветра, без усталости бродившего среди ветвей окружавшего домик леса и над озером.

Нигде не горели фонари, никто не зажигал огонь; только бледный свет луны просачивался в высокие окна, покрывая погруженную в хаос комнату чем-то похожим на иней. Саймон рассматривал необычные, неузнаваемые силуэты на поверхности стола и массивные, неподвижные очертания книг, сложенных в неровные стопки на полу, подобные могильным плитам на церковном дворе. Его взгляд притянула одна книга, которая лежала открытой и сияла белым, словно плоть очищенного от коры дерева. Посреди открытой страницы он увидел знакомое лицо – мужчину с горящими глазами, чью голову украшали ветвистые олени рога.

Саймон еще раз оглядел комнату, и его глаза вновь обратились к книге. Конечно, он находился в покоях Моргенеса. Конечно! О чем он только думал?

По мере того как к нему приходило понимание, силуэты начали принимать очертания фляжек доктора, реторт, выстроившихся в ряд, и тут с пола послышался необычный

скребущий звук. Саймон посмотрел в его сторону. Из-за диагональных полос лунного света возникало ощущение, будто стена безумно кренится. Скрип возобновился.

– ...Саймон?...

Голос прозвучал очень тихо, словно говоривший не хотел, чтобы его услышали, но Саймон сразу его узнал.

– Доктор?! – Он вскочил на ноги и моментально оказался у двери.

Почему старик не постучал? И почему вернулся так поздно? Быть может, он отправлялся в какое-то таинственное путешествие и по рассеянности запер за собой двери – да, конечно, так и есть! Как хорошо, что Саймон здесь и может его впустить.

Он нащупал в темноте засов.

– Что вы задумали, доктор Моргенес? – прошептал Саймон. – Я так долго вас ждал! – Ответа не последовало.

Пока Саймон возился с засовом, его вдруг охватила тревога. Он остановился, так и не открыв его, и поднялся на цыпочки, чтобы заглянуть в щель между досками.

– Доктор?

В коридоре, освещенном голубым светом ламп, Саймон разглядел фигуру старика в плаще с капюшоном. Лицо оставалось в тени, но он сразу узнал старый потрепанный плащ, хрупкое тело, торчавшие из-под капюшона пряди седых волос, ставших голубоватыми в странном свете. Но почему он не отвечает? Быть может, он ранен?

– С вами все в порядке? – спросил Саймон, распахивая дверь внутрь. Маленькая согнутая фигурка не шевелилась. – Где вы были? Что вам удалось узнать?

Ему показалось, доктор что-то сказал, и Саймон наклонился вперед.

– Что?

Слова, которые до него долетели, были полны воздуха и казались болезненно резкими.

– ...*Фальшивый... посланец...* – Больше Саймон ничего не понял – у доктора был хриплый голос и он говорил с трудом, – потом лицо поднялось и капюшон упал назад.

Голова, обрамленная седыми кустиками волос, была сожжена: шишка с пустыми провалами глаз, веретенообразная шея, подобная неровной обугленной палке.

Саймон отшатнулся, отчаянный крик так и остался в его груди, а из черного кожистого шара протянулась тонкая красная линия; через мгновение рот открылся, обнажив розовое мясо.

– ...*Фальшивый... посланец...* – сказал он, каждое слово вырывалось изо рта с хрипом. – ...*остерегайся...*

И тут только Саймон закричал, кровь стучала у него в его ушах, и он уже не сомневался, что сожженное существо говорило голосом доктора Моргенеса.

Отчаянно колотившееся сердце Саймона успокоилось далеко не сразу. Он сел, дыхание с хрипом вырывалось из его

груди, Бинабик также сел рядом.

– Здесь тебе ничто не угрожает, – сказал тролль, приложив ладонь ко лбу Саймона. – Ты совсем холодный.

Джелой вернулась к нему от матраса, где спал Малахия, – ей пришлось снова накрыть его одеялом, которое он сбросил, когда закричал Саймон.

– У тебя уже были такие могущественные сны, как этот, когда ты жил в замке, юноша? – спросила Джелой, не спуская с него сурового взгляда, словно провоцируя на отрицание.

Саймон содрогнулся. Под ее ошеломляющим взглядом он испытывал только одно желание: говорить правду.

– Нет, до... последних нескольких месяцев перед... перед...

– Перед гибелью Моргенеса, – ровным голосом сказала Джелой, – Бинабик, если только знание не покинуло меня, я не верю, что его сон о Моргенесе в моем доме – случайность. Только не такой.

Бинабик провел рукой по растрепанным после сна волосам.

– Валада Джелой, если *ты* не знаешь, как могу что-то знать я? Дочь Гор! У меня такое чувство, что я слушаю шум темноты. Я не могу разглядеть окружающие нас опасности, но знаю, что они рядом. Саймону приснился сон с предупреждением о «фальшивых посланцах»... но это лишь одна из множества таинственных вещей. Почему норны? Черный

риммер? Нечистые буккены?

Джелой повернулась к Саймону и мягко, но решительно уложила его на плащ.

– Попытайся снова заснуть, – сказала она. – Ничто, способное причинить тебе вред, не сможет войти в дом женщины-ведьмы. – Она повернулась к Бинабику. – Я думаю, что если сон, который он описывает, настолько связный, насколько нам кажется, он может оказаться полезным в наших поисках ответов.

Лежавший на спине Саймон видел валаду и тролля черными силуэтами на фоне сияния угольков, подобных светлячкам. Потом меньший силуэт к нему наклонился.

– Саймон, – прошептал Бинабик, – а тебе не снились другие сны, о которых ты мне не рассказывал?

Саймон медленно покачал головой. Больше ничего не было, только тени, и он устал от разговоров. Он все еще ощущал вкус страха, который испускало стоявшее на пороге сгоревшее существо, и сейчас он хотел лишь одного: погрузиться в засасывающий омут забвения, чтобы спать, спать...

Но сон не шел к нему с прежней легкостью. И, хотя Саймон держал глаза плотно закрытыми, перед ними мелькали картины пожара и катастрофы. Он без конца крутился, пытаясь найти положение, в котором его напряженные мышцы могли расслабиться, слышал тихий разговор тролля и ведьмы, но слова убегали прочь, точно крысы, скребущиеся за стеной.

Наконец и этот шум стих, и теперь лишь мрачное дыхание ветра звучало у него в ушах. Он открыл глаза. Джелой одиноко сидела возле огня, прикрыв веки и опустив плечи, точно птица, прячущаяся от дождя; Саймон не знал, дремлет она или наблюдает за тлеющими угольками.

Последней внятной мыслью, последним видением, медленно поднявшимся из глубин его существа, мерцающим, словно огонь под водой, стала высокая гора с каменной короной. Ведь это же был сон. Ему следовало вспомнить... следовало рассказать Бинабику.

Огонь вспыхнул в темноте на вершине горы, и он услышал поскрипывание деревянных колес, колес сна.

Когда наступило утро, оно не принесло с собой солнца. Из окна домика Саймон видел темные кроны деревьев на дальнем берегу, но само озеро окутал густой белый плащ. Даже прямо под окнами воду не удавалось разглядеть, медленно клубившийся туман делал все предметы иллюзорными. А небо над окутанными тенями деревьями оставалось бездонным и серым.

Джелой вышла из дома вместе с Малахией, чтобы собрать целебный лишайник, оставив Бинабика ухаживать за Лелет. Тролль был доволен состоянием девочки, но когда Саймон посмотрел на ее бледное лицо и едва заметно поднимавшу-

юся маленькую грудь, он не понял, какие положительные изменения умудрился увидеть тролль.

Саймон разжег огонь при помощи сухих веток из груди, которую Джелой аккуратно сложила в углу, потом подошел к Бинабику, чтобы помочь ему сменить повязки Лелет.

Когда Бинабик убрал одеяло и снял повязки, Саймон поморщился, но не смог отвести взгляда. Все тело Лелет потемнело от синяков и уродливых следов зубов. Злобные псы сорвали кожу от левой подмышки до бедра, оставив неровную рану длиной в фут. Когда Бинабик закончил ее промывать и снова наложил повязку из широких полос полотна, на белой ткани расцвели кровавые лепестки красных роз.

– Неужели у нее есть шансы выжить? – спросил Саймон.

Бинабик пожал плечами, тщательно завязывая узлы.

– Джелой думает, что надежда есть, – ответил Бинабик. – Она суровая, простая женщина и ставит людей лишь немногим выше животных, и это высокая для нее оценка. Я не думаю, что она станет сражаться за безнадежное дело.

– А она и в самом деле ведьма, как сама говорит? – спросил Саймон.

Бинабик накрыл девочку одеялом, оставив снаружи только тонкое лицо. Ее рот был приоткрыт, и Саймон видел, что она лишилась двух передних зубов. Неожиданно он почувствовал острое сочувствие к напуганному ребенку, заблудившемуся в диком лесу с единственным братом, ребенку, которого поймали и мучили. Как мог Господь Усирис любить

такой мир?

– Ведьма? – Бинабик встал. Снаружи Кантака уже бежала по мосту к входной двери: Джелой и Малахия должны были появиться вслед за ней. – Джелой *мудрая* женщина, обладающая редкой силой, так о ней определенно можно сказать. На твоём языке, насколько я понимаю, «ведьма» означает нехорошего человека, приспешницу дьявола, которая причиняет вред соседям. Валада никогда ничего подобного не делает. Ее соседи – птицы и лесные обитатели, и она ухаживает за ними, как за своим стадом. И все же она покинула Риммерсгард много лет назад – очень много лет назад – и перебралась сюда. Возможно, так случилось из-за того, что жившим рядом с ней людям стали приходить в голову разные глупости... не исключено, что это и привело ее к домику у озера.

Бинабик повернулся, чтобы приветствовать нетерпеливую Кантаку, почесал ее спину сквозь густой мех, и она замахала хвостом от удовольствия. Потом тролль взял котелок, вышел наружу и набрал в него воды. Вернувшись, он повесил его на цепочке с крюком над огнем.

– Ты сказал, что знал Малахию еще когда жил во дворце, верно? – спросил Бинабик.

Саймон наблюдал за Кантакой: волчица вернулась к озеру и сейчас стояла на мелководье, временами резко опуская морду в воду.

– Она пытается поймать рыбу? – со смехом спросил Саймон.

Бинабик терпеливо улыбнулся и кивнул.

– И можешь не сомневаться, она поймает. Малахия?

– О да, – ответил Саймон. – Я знал его в замке... немного. Однажды поймал, когда он за мной шпионил. Однако Малахия это отрицал. Он с тобой разговаривал, рассказал, что они с сестрой делали в Альдхорте, когда на них напали?

Кантака и в самом деле поймала рыбу, и блестящее серебристое тело отчаянно, но безуспешно билось на берегу, куда его выбросила Кантата; когда выскочила на берег, с нее потоками лилась вода.

– С тем же успехом я мог бы учить камень петь. – Бинабик нашел миску с сушеными листьями на одной из полок Джелой и бросил горсть в котелок с кипящей водой. Комнату сразу наполнил приятный мятный запах. – С тех пор как мы нашли его возле того дерева, он произнес пять или шесть слов. Однако он тебя помнит. Я несколько раз замечал, как он смотрел в твою сторону. Не думаю, что он опасен, – более того, я уверен, – но все же за ним следует приглядывать.

Не успел Саймон ответить, как он услышал короткий лай Кантаки, выглянул в окно и увидел, что волчица, оставив почти доеденную рыбу на берегу, побежала по тропе и сразу исчезла в тумане. Впрочем, довольно скоро Кантака вернулась, за ней следовали два едва различимых силуэта, постепенно превратившихся в Джелой и Малахию, странного мальчика с лисьим лицом. Они о чем-то оживленно беседовали.

– Кинкипа! – фыркнул Бинабик, помешивая в котелке от-

вар. – Теперь он разговаривает.

Почистив башмаки у порога, Джелой заглянула внутрь.

– Повсюду туман, – сказала она. – Сегодня лес выглядит сонным.

Она вошла и сбросила плащ. Малахия, у которого заметно покраснелись щеки, последовал за ней, настороженно поглядывая по сторонам.

Джелой сразу направилась к столу и принялась разбирать содержимое двух больших мешков. Сегодня она оделась, как мужчина, в толстые шерстяные штаны, куртку и пару поношенных, но прочных башмаков. От нее исходила спокойная сила, как от боевого капитана, сделавшего все необходимые приготовления и ожидающего начала сражения.

– Вода готова? – спросила она.

Бинабик наклонился над котелком и принялся.

– Думаю, да, – ответил он.

– Хорошо. – Джелой развязала маленький мешочек, висевший у нее на поясе, и достала пригоршню темно-зеленого мха, все еще блестевшего от росы. Бесцеремонно бросив его в котелок, она принялась помешивать воду палкой, которую ей протянул Бинабик.

– Мы с Малахией поговорили, – сказала Джелой и прищурилась, глядя на поднимавшийся над котелком пар. – И многое обсудили.

Она повернулась в сторону Малахии, но он лишь опустил голову, и его розовые щеки покраснели еще больше, после

чего он сел на матрас рядом с Лелет. Взяв ее за руку, Малахия погладил ладонью влажный лоб сестры.

Джелой пожала плечами.

– Поговорим, когда Малахия будет готов, а сейчас у нас хватает работы.

Джелой вытащила палкой немного мха из котелка, потрогала его пальцем, затем взяла чашку с небольшого деревянного стола, зачерпнула из котелка горячую жидкость и отнесла чашку, над которой поднимался пар, к матрасу, где лежала Лелет.

Пока Малахия и валада делали ей припарки, Саймон спустился к озеру. Снаружи днем домик Джелой выглядел так же странно, как ночью изнутри; соломенная крыша до определенной степени напоминала шляпу, а темное дерево стен почти полностью покрывали черные и синие руны. Саймон обошел дом и спустился к озеру, буквы появлялись и исчезали вместе с углом, под которым на них падало солнце. Саймону показалось, что прятавшиеся в глубокой тени под хижиной двойные сваи также покрыты необычными дощечками.

Кантака вернулась к остаткам выловленной рыбы и принялась аккуратно отделять мясо от тонких костей. Саймон сел рядом с ней на камень, потом немного отодвинулся в сторону в ответ на ее предупреждающее рычание. Он принялся швырять камушки в поглощавший их туман, прислушиваясь к плеску воды, пока к нему не спустился Бинабик.

– Ты проголодался? – спросил тролль, протягивая Саймону краюху темного с корочкой хлеба, щедро намазанного острым сыром.

Саймон быстро съел принесенное угощение, а потом они сидели рядом и наблюдали за птицами, бегавшими по песчаному берегу озера.

– Валада Джелой хочет присоединиться к нам, чтобы стать частью того, что мы будем делать днем, – наконец сказал Бинабик.

– А что мы будем делать? – спросил Саймон.

– Искать. Искать ответы, – ответил Бинабик.

– И как мы будем их искать? Куда-нибудь пойдём?

Бинабик серьезно посмотрел на Саймона.

– В некотором смысле да – но только не смотри на меня так сердито! Я объясню. – Он бросил камешек. – Порой, когда обычные возможности поиска становятся недоступными, приходится использовать другой путь. Но ступить на него могут только мудрые. Мой наставник Укекук называл это путешествием по Дороге Сновидений.

– Но оно его убило! – воскликнул Саймон.

– Нет! То есть... – Выражение лица тролля стало встревоженным, он искал нужные слова. – Да, он умер, когда находился на Дороге. Но человек может лишиться жизни где угодно. Из того, что мой наставник там погиб, вовсе не следует, что всякому, кто по ней пойдет, грозит смертельная опасность. Люди попадают под колеса телег на Главном Ряду,

а сотни других ходят по нему, и с ними ничего не случается.

– Что такое Дорога Сновидений? – спросил Саймон.

– Сначала я должен признать, – по лицу Бинабика промелькнула улыбка, – что Дорога Сновидений более опасна, чем Главный Ряд. Мой наставник научил меня, что она подобна горной тропе – самой высокой из всех возможных. – Троль поднял руку над головой. – И там, несмотря на все трудности, ты способен увидеть вещи, которые недоступны для тебя в обычной жизни, – то, чего не встретишь на обычных дорогах.

– А как же сны? – спросил Саймон.

– Меня научили, что сны являются одним из способов, помогающих попасть на эту дорогу, и он доступен любому. – Бинабик нахмурил лоб. – Но когда человека туда приводит обычный ночной сон, он не может по ней идти: ему остается лишь наблюдать из одной точки, а потом он должен вернуться. Вот почему – говорил мне Укекук – такой человек часто не знает, на что смотрит. Иногда, – Бинабик указал в сторону тумана, висевшего над деревьями и озером, – он видит лишь туман.

Однако мудрый способен *идти* по дороге, если он освоил искусство на нее попадать. Он смотрит и видит вещи такими, какие они есть, и становится свидетелем того, как они меняются. – Бинабик пожал плечами. – Объяснить трудно. Дорога Сновидений – это место, где можно ходить и понимать, где мы находимся под пробуждающимся солнцем. Джелой

ветеран подобных путешествий. У меня также есть некоторый опыт, но я далеко не мастер.

Саймон некоторое время молча смотрел на озеро, размышляя над словами Бинабика. Противоположный берег по-прежнему окутывал туман, и Саймон лениво размышлял о том, как далеко он находится. Его наполненные усталостью воспоминания о вчерашнем сне подернула дымка, совсем как утренний воздух.

«Теперь, когда я об этом задумался, – вдруг понял Саймон, – как далеко я зашел? Я проделал огромный путь, более длинный, чем когда-либо мог представить. И нет ни малейших сомнений, что мне еще предстоит пройти много лиг. Стоит ли так рисковать, чтобы повисить наши шансы благополучно добраться до Наглимунда?» – думал он.

И почему ему выпало принимать такие решения? Какая ужасная несправедливость. Он с горечью спросил у себя: почему Бог так жестоко с ним обращается – если то, что говорил отец Дреосан, правда и Господь не спускает глаз с каждого.

Но ему было о чем подумать кроме своего гнева. Бинабик и остальные, как ему казалось, на него рассчитывали, а Саймон к такому не привык. Теперь же понял, что от него много ждут.

– Я это сделаю, – наконец сказал Саймон. – Но ответ мне вот на какой вопрос: что произошло с твоим наставником на самом деле? Почему он умер?

Бинабик задумчиво кивнул.

– Мне говорили, что на Дороге Сновидений все может пойти двумя путями... и происходят очень опасные вещи. Во-первых, они обычно случаются с теми, кто выходит на дорогу, не обладая достаточной мудростью, и тогда они могут пропустить развилку, место, где сновидения и земная жизнь расходятся в разные стороны. – Он сложил ладони. – И тогда идущему не по силам найти обратный путь. Но Укекук, я полагаю, был слишком мудр, чтобы допустить такую ошибку.

Саймон почувствовал себя потерянным и чужим в этих воображаемых мирах и втянул в себя влажный воздух.

– Но что же тогда случилось с Ук... Укекуком?

– Другая опасность, как он меня учил, – сказал Бинабик, поднимаясь на ноги, – состоит в том, что кроме мудрых и хороших людей, путешествующих по Дороге Сновидений, есть и другие, опасные путники. Я полагаю, что он встретил одного из них.

И Бинабик вместе с Саймоном вернулись по мосту обратно в дом.

Джелой сняла крышку с большого котелка, засунула внутрь два пальца, потом вытащила их, и Саймон увидел, что они испачканы темно-зеленой пастой, еще более липкой и странной, чем припарки из мха.

– Наклонись вперед, – сказала она и втерла комок пасты ему в лоб, сразу над носом, затем проделала то же самое с

собой и Бинабиком.

– Что это? – спросил Саймон.

Он испытывал странные ощущения на коже: одновременно жар и холод.

Джелой уселась возле слабеющего огня, жестом предложив юноше и троллю устраиваться рядом.

– Паслен, мокфил, кора ясеня, придающая массе нужную плотность... – Она посадила юношу и тролля и сама расположилась так, что они образовали вокруг очага треугольник, а котелок поставила рядом со своим коленом.

Саймон наблюдал, как валада бросает зеленые веточки в огонь, сам он испытывал невероятно странные ощущения в области лба. Белые завитки дыма устремились вверх, превращая пространство между ними в туманную колонну, сквозь которую сияли отраженным пламенем зеленовато-желтые глаза Джелой.

– А теперь вотрите это в руки, – сказала она, протягивая им еще по одному темно-зеленому комку, – и нанесите немного на губы – но только не в рот! Совсем чуть-чуть, вот так...

Когда все приготовления были завершены, Джелой попросила всех взяться за руки. Малахия, который не произнес ни слова после того, как Саймон и тролль вернулись, наблюдал за ними, продолжая сидеть на матрасе рядом со спящей Лелет. Станный мальчик выглядел напряженным, он стиснул челюсти, словно пытался не показать, что нервничает.

Саймон расставил руки в стороны и сжал левой маленькую сухую ладонь тролля, а правой – сильную руку Джелой.

– Держитесь крепко, – сказала женщина-ведьма. – Если вы отпустите руку, ничего ужасного не случится, но будет лучше, если ваши пальцы не разожмутся.

Она опустила глаза и начала что-то тихо говорить, но Саймон не различал слов. Он смотрел на ее движущиеся губы, на опущенные веки больших глаз, и вновь его поразило, как сильно валада похожа на птицу, гордую, высоко парящую над землей. Он продолжал на нее смотреть сквозь колонну дыма, и постепенно зуд в ладонях, на лбу и губах начал его тревожить.

Внезапно вокруг Саймона сомкнулась темнота, словно плотная туча закрыла солнце. Очень скоро он уже ничего не видел, кроме дыма и красного сияния огня, все остальное исчезло за стенами мрака, окружившего его со всех сторон. У него начали закрываться глаза, но одновременно возникло ощущение, будто лицо прижато к снегу. Ему стало холодно, очень холодно, и он упал назад, опрокинулся в черноту, которая была повсюду.

Через некоторое время – Саймон не имел представления о том, сколько прошло, он ощущал лишь руки своих спутников, и это его успокаивало – темнота начала лучиться не имевшим направления светом, постепенно превратившимся в белое поле. Но цвет был неровным: в каких-то местах он сиял, точно солнце или отполированная сталь, в других

становился почти серым. А еще через мгновение белое поле превратилось в огромную сверкающую гору льда, настолько невозможно высокую, что ее вершина скрывалась за клубившимися тучами, затянувшими темное небо. Расселины на подобных стеклу склонах изрыгали дым, который присоединялся к ореолу вокруг туч.

А потом каким-то образом Саймон оказался *внутри* огромной горы и стремительно, точно искра, летел сквозь туннели со стенами из зеркального льда, неизменно уходящих вниз. Бесчисленные тысячи диковинных силуэтов виднелись сквозь туман, тени и сияние льда – угловатые фигуры с бледными лицами шагали по коридорам в движущейся чаще мерцавших копий или ухаживали за странными синими и желтыми кострами, дым которых короновал клубившийся над ними воздух.

Искра, бывшая Саймоном, все еще ощущала две сильные руки, сжимавшие его ладони, точнее, он чувствовал, что не один, ведь у искры не могло быть рук, чтобы за что-то держаться. Наконец он оказался в огромном помещении, бескрайней пустоте внутри горы. Потолок находился так далеко над глазированными льдом плитами пола, что снег, падавший сверху, казался армиями крошечных белых бабочек, круживших в воздухе.

В центре огромной пещеры Саймон увидел окутанный бледно-голубым сиянием громадный колодец, и ему показалось, что именно он испускал жуткий, сжимавший сердце

страх. Видимо, из его невозможных глубин поднимался горячий воздух, потому что над ним вздымалась колонна тумана, сиявшего расплывчатыми цветами, точно гигантская сосулька, пронизанная солнечным светом.

В тумане над колодцем висело необъяснимое *нечто*, определить форму и размеры которого не представлялось возможным, оно состояло из множества самых разных очертаний и форм, бесцветных, как стекло. По мере того как во вращавшейся колонне тумана то здесь, то там проступали самые разные силуэты, казалось, будто это творение изысканной и одновременно жуткой сложности, состоящее из углов и широких дуг. Каким-то не вполне определенным образом оно смутно напоминало музыкальный инструмент, но столь огромный, чуждый и пугающий, что Саймон-искра откуда-то знал: если он услышит его ужасную музыку, то умрет.

На черном прямоугольном камне лицом к колодцу кто-то сидел. Саймон уже мог отчетливо его разглядеть, словно внезапно оказался парящим прямо над жутким колодцем, где горело голубое пламя. Странное существо было в бело-серебристом одеянии фантастической красоты и изящества. Снежные волосы рассыпались по плечам, чтобы слиться и стать почти невидимыми на безупречно белом фоне.

Бледное существо подняло голову, и Саймон увидел лицо, являвшееся средоточием сияющего света. Через мгновение, когда оно отвернулось, Саймон понял, что это лишь краси-

вое скульптурное изображение лишенного выражения женского лица... серебряная маска.

Ослепительное, экзотическое лицо снова повернулось к нему, и он почувствовал, как его отталкивают прочь, бесцеремонно лишают связи с происходящим – так слишком нахального котенка резким движением отрывают от подола платья.

Перед Саймоном возникло видение, которое каким-то необъяснимым образом являлось частью тумана и одновременно мрачной белой фигуры. Сначала небольшое пятно алебастровой белизны, которое медленно обретало угловатую форму, скрещенную с чернотой. Темные очертания превратились в линии, те стали символами, и, наконец, появилась открытая книга, но буквы на ее странице Саймон прочитать не мог, точнее, извивавшиеся руны, постепенно становившиеся более четкими.

Прошло мгновение, которое не измеришь временем, руны снова начали мерцать, разбежались в разные стороны и превратились в три длинных тонких силуэта черного цвета... три меча. Форма одного напоминала Дерево Усириса, у другого рукоять походила на прямоугольную крестовину потолка. У третьего была двойная гарда, и ее перекрещивавшиеся детали образовали вместе с рукоятью нечто вроде пятиугольной звезды. Где-то в глубинах собственного сознания Саймон узнал последний меч. Темная, как ночь, память подсказала ему, что глубоко в пещере он уже его видел.

Мечи начали меркнуть, один за другим, и, когда окончательно исчезли, на их месте осталась только серо-белая пустота.

Саймон почувствовал, что покидает гору, пещеру с коловодом и сам сон. Какая-то часть его существа, напуганная страшными запретными местами, которые посетил его дух, обрадовалась, но другая не хотела отпускать диковинный образ.

Где *ответы*?! Перед мысленным взором Саймона предстала вся его жизнь, подхваченная проклятым, безжалостным, равнодушным колесом, и в самых дальних уголках сознания он испытал отчаянный гнев. Да, он был напуган, попал в кошмар, который никак не заканчивался, но в данный момент гнев оказался сильнее всего остального.

Он сопротивлялся притяжению, сражался оружием, которого не понимал, чтобы остаться внутри сна, вырвать из него столь необходимые знания, вцепился в быстро уменьшавшееся белое пятно и яростно попытался изменить его форму, превратить в нечто такое, что позволило бы ему понять, почему умер Моргенес, почему погибли Дохаис и монахи из ордена святого Ходерунда, почему маленькая Лелет лежит в ожидании смерти в хижине, спрятавшейся в дремучем лесу. Он сражался и ненавидел. Если бы искра умела плакать, он бы рыдал.

Медленно, мучительно ледяная гора снова возникла из пустоты перед ним. Где правда? Он хотел получить ответы!

Пока Саймон из сна сражался, гора росла, становилась более стройной, от нее стали отходить ветви, словно у ледяного дерева, и она устремилась к небесам. Потом ветви отвалились и осталась лишь гладкая белая башня, которую он знал. На ее вершине горело пламя. И тут раздался мощный рокочущий звук, словно зазвонил чудовищный колокол. Башня задрожала. Вновь прозвучал колокол. Саймон знал, что у него на глазах происходит нечто невероятно важное, жуткое и тайное. Он чувствовал, что ответ где-то совсем рядом.

Маленькая мушка! Ты пришел к нам, не так ли?

Наводившая ужас зияющая пустота потянулась к нему и проглотила, закрыв собой башню и звон колокола. Саймон почувствовал, как уходит дыхание жизни внутри его личности на Дороге Сновидений, а вокруг смыкается беспредельный холод. Он заблудился в совершенной пустоте, крошечная частица на дне моря в бесконечности черной глубины, отсеченная от земного существования и даже мысли. Все исчезло... все, за исключением жуткой давящей ненависти, что сжимала его... вызывала удушье.

А когда Саймон потерял надежду на спасение, он оказался на свободе и парил на головокружительной высоте над миром Светлого Арда, зажатый в сильных когтях большой серой совы, летевшей так, словно она была дочерью ветра. Ледяная гора исчезала внизу, постепенно теряясь в огромной белой, точно кость, долине. Сова несла его невероятно быстро, над озерами, льдами и горами, направляясь к тем-

ной линии горизонта. Постепенно она превратилась в лес, и Саймон почувствовал, что начинает выскальзывать из когтей птицы. Сова перехватила его крепче и стала стремительно снижаться к земле, которая устремилась к нему, и сова шире раскрыла свои могучие крылья. Теперь полет выровнялся, они кружили над засыпанными снегом полями, приближаясь к безопасному лесу.

А потом оказались под деревьями, и им больше ничего не грозило.

Саймон застонал и перекатился на бок. В голове у него стучало – так Рубен Медведь бил по наковальне во время турнира. Ему казалось, что язык у него во рту распух и стал в два раза больше; он глубоко вздохнул и почувствовал вкус металла в воздухе. Потом он присел, стараясь поменьше шевелить тяжелой головой.

Бинабик, круглое лицо которого было страшно бледным, лежал рядом; Кантака уткнулась носом троллю в бок и тихонько скулила. По другую сторону дымившегося костра темноволосый Малахия тряс Джелой, рот которой оставался открытым, а губы влажно блестели. Саймон снова застонал, голова пульсировала от боли и повисла между плечами, как подгнивший плод. Он подполз к Бинабику. Маленький тролль дышал; а когда Саймон над ним наклонился, начал кашлять, хватать ртом воздух, потом открыл глаза.

– Мы... – прохрипел он, – мы... все... здесь?

Саймон кивнул, посмотрев на Джелой, которая не двигалась, несмотря на все усилия Малахии.

— Один момент, — сказал Саймон, медленно поднимаясь на ноги.

Он осторожно вышел из двери домика, держа в руках пустой котелок, и с некоторым удивлением обнаружил, что, несмотря на висевший над озером туман, день еще не закончился; время на Дороге Сновидений текло заметно быстрее. Кроме того, он испытал неприятное чувство, что за стенами дома изменилось что-то еще, но никак не мог понять, в чем дело. Ему показалось, будто из него открывается немного другой вид, и решил, что, скорее всего, это результат пережитого им необычного опыта. Наполнив котелок озерной водой и смыв с рук зеленую клейкую пасту, он вернулся к дому.

Бинабик жадно напился, потом жестом показал, чтобы Саймон передал котелок Джелой. Малахия с надеждой и ревностью смотрел, как Саймон осторожно налил немного воды в приоткрытый рот валады, придерживая другой рукой подбородок. Она закашлялась, проглотила воду, и Саймон напоил ее еще раз.

Пока Саймон придерживал ее голову, он вдруг сообразил, что, когда они находились на Дороге Сновидений, Джелой, в определенном смысле, его спасла. Он посмотрел на валаду, дыхание которой стало ровнее, и вспомнил серую сову, подхватившую его, когда его сущность во сне теряла последние

силы, и унесшую прочь.

Саймон почувствовал, что Джелой и тролль не ожидали такого поворота; более того, именно Саймон подверг их опасности. Но сейчас, для разнообразия, он не испытывал стыда. Он сделал то, что следовало. А прежде слишком часто убегал от ответственности.

– Как она? – спросил Бинабик.

– Я думаю, с ней все будет в порядке, – ответил Саймон, внимательно глядя на женщину-ведьму. – Она ведь меня спасла, верно?

Бинабик, волосы которого влажными прядями свисали на коричневый лоб, некоторое время смотрел на Саймона.

– Весьма возможно, что так и было, – наконец ответил он. – Она могущественный союзник, но на этот раз даже ее сил едва хватило.

– И что произошло? – спросил Саймон, опуская Джелой на протянутые руки Малахии. – Ты видел то же самое, что я? Гору и... женщину в маске и книгу, верно?

– Я не уверен, что мы все видели одно и то же, Саймон, – медленно проговорил Бинабик. – Но думаю, будет правильно подождать, когда Джелой сможет поделиться с нами своими мыслями. Быть может, позднее, после того как мы поедем. Я ужасно проголодался.

Саймон неуверенно улыбнулся троллю, повернулся и увидел, что за ним наблюдает Малахия. Мальчик уже начал отводить глаза, но нашел в себе силы и продолжил смотреть на

Саймона, пока тот, не почувствовал смущение.

– Казалось, будто дом трясется, – неожиданно заговорил Малахия, сильно поразив Саймона.

Голос мальчика был напряженным, высоким и хриплым.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Саймон, которого удивило не только, что Малахия заговорил, но и смысл его слов.

– Весь дом, – продолжал Малахия. – Пока вы трое сидели и смотрели в огонь, стены начали... дрожать. Словно кто-то поднял дом, а потом поставил на место.

– Скорее всего, это из-за того, как мы двигались, пока были... я имею в виду... ну, я не знаю. – Недовольный собой Саймон смолк.

Правда состояла в том, что сейчас он просто ничего не знал. Ему казалось, что кто-то помешивает палкой у него в голове.

Малахия отвернулся, чтобы дать еще воды Джелой. Неожиданно капли дождя застучали по подоконнику; серое небо больше не могло удерживать свой груз, началась гроза.

Женщина-ведьма выглядела мрачной. Они отодвинули в сторону пустые миски от супа и теперь сидели на голом полу, глядя друг на друга. Малахия, хотя их разговор вызывал у него любопытство, остался рядом с постелью девочки.

– Я видела, как перемещаются злые существа, – сказала Джелой, и ее глаза вспыхнули. – Те, что потрясут основы мира, каким мы его знаем. – К ней вернулись силы и кое-что

еще: она стала серьезной и торжественной, как король, выносящий приговор во время суда. – Сейчас я почти жалею, что мы решили выйти на Дорогу Сновидений, – но это тщетное желание той части меня, которая хочет, чтобы ее оставили в покое. Я вижу, что приближаются мрачные дни, и боюсь быть вовлеченной в ужасные события.

– Что вы хотите сказать? – спросил Саймон. – Что это означало? Вы также видели гору?

– Стормспайк, – голос Бинабика прозвучал неожиданно безразлично.

Джелой посмотрела на него, кивнула и повернулась к Саймону.

– Верно, – сказала она. – *Стурмспейк* мы видели, так его называют в Риммерсгарде, ведь для риммеров он легенда. Стормспайк. Гора норнов.

– Мы, кануки, – сказал Бинабик, – знаем, что Стормспайк настоящий. Тем не менее норны уже очень давно перестали вмешиваться в дела Светлого Арда. С незапамятных времен. Почему они решили изменить своим правилам? Это выглядело так, словно, словно...

– Словно они готовятся к войне, – закончила за него Джелой. – Ты прав, если сну можно верить. Ну, а насколько видение было истинным, определить может более тренированный взгляд, чем мой. Но вы сказали, что вас преследовали псы с клеймом Стормспайка, а это уже реальное свидетельство того, что мир пробуждается, во всяком случае, мне ка-

жется, нам следует думать именно так.

– Готовятся к войне? – Саймон пребывал в полном недоумении. – Но против кого? И кто та женщина в серебряной маске?

Джелой выглядела очень усталой.

– В маске? Не женщина. Существо из легенд, так можно сказать, или из очень древних времен, как назвал бы ее Бинабик. – То была *Утук'ку*, королева норнов.

Саймон почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Ветер снаружи пел стылую и одинокую песнь.

– Кто такие *норны*? – спросил Саймон. – Бинабик сказал, что они ситхи.

– Древняя мудрость гласит, что когда-то они являлись частью народа ситхи, – ответила Джелой. – Но они потерянное племя, или изменники. Они так и не пришли в Асу'а вместе с остальным своим народом, а исчезли на неисследованном севере, в ледяных землях за Риммерсгардом и его горами. Норны решили отказаться от участия в делах Светлого Арда, но сейчас складывается впечатление, что они передумали.

На мгновение Саймон уловил глубокое беспокойство, промелькнувшее на мрачном лице женщины-ведьмы.

«И норны помогали Элиасу меня преследовать? – подумал он, чувствуя, как его снова охватывает паника. – Почему я погружаюсь в этот кошмар?»

И тут, как будто страх открыл двери его разума, он кое-что вспомнил. Отвратительные образы начали выбираться из по-

тайных мест его сердца, и он начал задыхаться.

– Эти... бледные люди. Норны. Я их видел прежде! – прошептал он.

– Что?! – Джелой и тролль вскричали одновременно, наклонившись вперед.

Саймон, напуганный их реакцией, отпрянул назад.

– Когда? – резко спросила Джелой.

– Это случилось... я *думаю*, что случилось, но, возможно, только приснилось... в ту ночь, когда я сбежал из Хейхолта. Я был во дворе, и мне показалось, что кто-то зовет меня по имени – женским голосом. Он так меня напугал, что я выскочил со двора и помчался в сторону Тистерборга.

Малахия нервно зашевелился на соломенном матрасе, но Саймон не обратил на него внимания.

– На вершине Тистерборга горел огонь, – продолжал Саймон, – среди Камней Гнева. Вы их знаете?

– Знаю, – спокойно ответила Джелой, но Саймон почувствовал некое значение в ее словах, смысла которого не уловил.

– Мне было холодно и страшно, поэтому я стал взбираться вверх. Я сожалею, но тогда я не сомневался, что вижу сон. Быть может, так и было.

– Не исключено, – кивнула Джелой. – Продолжай.

– Наверху находились люди. Солдаты, так я решил из-за доспехов. – Саймон почувствовал, как у него на ладонях выступил пот, и потерял их друг о друга. – Среди них был король

Элиас. Мне стало еще страшнее, поэтому я спрятался. А потом... потом слышался ужасный скрип, и на дальнем склоне горы появился черный фургон, он ехал вверх. Он возвращался, все возвращались... или мне *показалось*, что все... но они оставались лишь пустыми теньями. Бледнокожие люди... норны, да, да, норны его сопровождали, их было несколько, и все одеты в черное.

Наступила долгая пауза, Саймон пытался вспомнить что-то еще. Дождь барабанил по крыше дома.

– И? – наконец мягко спросила валада.

– Элизия, Матерь Божья! – сердито проговорил Саймон, и из его глаз покатались слезы. – Я не могу вспомнить! Они отдали ему какой-то предмет, который лежал в фургоне. Произошло еще что-то, но у меня такое впечатление, что воспоминания прячутся под одеялом у меня в голове. Я могу к ним прикоснуться, но не в силах про них рассказать! Они отдали ему *что-то*! Я думал, мне снился сон! – Он закрыл лицо руками, пытаясь вытолкнуть болезненные мысли из закружившейся головы.

Бинабик смущенно похлопал его по колену.

– Но мы получили ответ на другой вопрос. Я также спрашивал себя, почему норны готовятся к войне. Быть может, они намерены сражаться с Элиасом Верховным королем, чтобы отомстить за вековые обиды. Но складывается впечатление, что они ему *помогают*. Они заключили какую-то сделку. Возможно, Саймон видел, как это произошло. Но

как сумел Элиас войти в контакт с норнами, склонными держаться от всех в стороне?

– Прайрат, – сказал Саймон, и как только он произнес это имя, ему стало очевидно, что так и есть. – Моргенес говорил, что Прайрат открыл ворота жутким существам и событиям. Прайрат также находился на той горе.

Валада Джелой кивнула.

– Звучит разумно, – сказала она. – Меня интересует ответ на один вопрос, но я уверена, что узнать его нам не по силам: что стало предметом торга? Что могли эти двое, Прайрат и король, предложить норнам, чтобы заручиться их помощью?

Они долго молчали.

– А что написано в книге? – неожиданно спросил Саймон. – На Дороге Сновидений. Вы также ее видели?

Бинабик ударил себя ладонью в грудь.

– Она там была, – сказал он. – Руны, которые я видел, из Риммерсгарда: «Дю Сварденвирд». На вашем языке это значит: «Заклинание мечей».

– Или «Предзнаменование мечей», – добавила Джелой. – Это знаменитая книга в кругах мудрых, но она давно утрачена. Я сама ее никогда не видела. Считается, что ее написал Ниссе, священник, который являлся советником Безумного короля Хьелдина.

– В честь которого названа башня Хьелдина? – уточнил Саймон.

– Да, – подтвердила Джелой. – Именно там умерли Хьел-

дин и Ниссе.

Саймон задумался.

– Я также видел три меча, – сказал он.

Бинабик посмотрел на Джелой.

– Я видел только силуэты, – медленно проговорил тролль. – Тогда я подумал, что они похожи на мечи.

У женщины-ведьмы уверенности также не было. Саймон описал силуэты, но ни Джелой, ни Бинабику их форма ничего не говорила.

– Итак, – после долго молчания сказал тролль, – что нам удалось узнать после путешествия по Дороге Сновидений? Норны оказывают помощь Элиасу? Это мы поняли. Странная книга играет в происходящем какую-то роль... возможно? Это нечто новое. Нам показали вид на Стормспайк и залы горной королевы. Мы узнали вещи, которые пока не понимаем, – однако я думаю, что одно не изменилось: мы должны идти в Наглимунд. Валада, твой дом будет нам убежищем на некоторое время, но если Джошуа жив, он должен узнать то, что известно нам.

Бинабика прервали с неожиданной стороны.

– Саймон, – сказал Малахия, – ты говорил, что во дворе тебя кто-то позвал. Ты слышал *мой* голос. Я тебя звал.

Саймон лишь пораженно посмотрел на мальчика.

Джелой улыбнулась:

– Наконец одна из наших тайн начала говорить! Продолжай, дитя. Расскажи им то, что необходимо.

Малахия отчаянно покраснел.

– Я... не Малахия. Меня зовут... Мария.

– Мария женское имя, – начал Саймон, но потом смолк, увидев, как широко улыбается Джелой. – *Девочка?* – запинаясь, продолжал он. Саймон посмотрел на лицо странного мальчика и вдруг все понял. – Девочка, – пробормотал он, чувствуя себя полным дураком.

Женщина-ведьма рассмеялась.

– Должна признать, что это было очевидно – во всяком случае для меня. Однако у нее имелось оправдание: она путешествовала с троллем и юношей, к тому же постоянно происходили сбивающие с толку опасные события, но я сказала ей, что обман больше не может продолжаться.

– В особенности если учесть, что нам предстоит долгий путь в Наглимунд. – Мария устало потерла глаза. – Я должна передать важное сообщение принцу Джошуа от его племянницы Мириамель. Пожалуйста, не спрашивайте, в чем оно состоит, потому что я не смогу вам ответить.

– А как же твоя сестра? – спросил Бинабик. – Она не перенесет такое долгое путешествие. – Он, прищурившись, посмотрел на удивительную Марию, словно пытаясь понять, как ей удалось его обмануть.

Теперь все выглядело таким очевидным.

– Она не моя сестра, – печально ответила Мария. – Лелет была служанкой принцессы. Мы с ней очень дружили. Она боялась оставаться в замке и отчаянно хотела уйти вместе со

мной. – Она посмотрела на спавшую девочку. – Мне не следовало брать ее с собой. Я пыталась поднять Лелет на ветку дерева до того, как собаки на нас напали. Будь я немного сильнее...

– Сейчас не понятно, – заговорила Джелой, – сможет ли Лелет путешествовать. Она еще не успела далеко отойти от берегов смерти. Мне очень не хочется так говорить, но это правда. Вы должны оставить ее со мной.

Мария начала протестовать, но Джелой ничего не хотела слушать, а Саймон с беспокойством отметил, что в темных глазах Марии появилось облегчение. Он вдруг разозлился, когда подумал, что Мария готова бросить раненую девочку, чтобы передать сообщение – каким бы важным оно ни было.

– Итак, – наконец сказал Бинабик, – что же мы будем делать? Нам по-прежнему необходимо добраться до Наглимунда, пройти много лиг по лесу, потом преодолеть крутые склоны Вилдхельма. Не говоря уже о тех, кто будет нас преследовать.

Джелой постаралась тщательно формулировать свои мысли.

– Мне представляется очевидным, – сказала она, – что вам следует пройти через лес к Да'ай Чикиза. Это древнее поселение ситхи, конечно, давно покинутое. Там вы найдете Стайл, старую дорогу, ведущую через горы и проложенную еще в те времена, когда ситхи регулярно путешествовали отсюда и до Асу'а – Хейхолта. Сейчас по ней ходят только жи-

вотные, но это самый легкий и безопасный путь. Утром я дам вам карту. Верно, Да'ай Чикиза... – В ее желтых глазах загорелся свет, и она кивнула, погружившись в размышления. Затем Джелой заморгала, снова стала собой и заговорила очень быстро: – А теперь нам следует поспать. События дня утомили меня так, что я превратилась в ветку плакучей ивы.

Саймон так не думал. Он считал, что женщина-ведьма выглядит сильной, как дуб, – но даже дубам иногда приходится переживать бури.

Позднее, когда он лежал на своем плаще и теплое тело Кантаки прижималось к его ногам, Саймон постарался отбросить мысли об ужасной горе. Случившееся с ним было слишком огромно и непонятно. Он размышлял о том, что думает о нем Мария, о юноше, как назвала его Джелой, который не может отличить девушку от парня. Саймон решил, что так нечестно – разве у него было время думать о подобных вещах?

Почему Мария шпионила в Хейхолте? Возможно, по поручению принцессы? И если во дворе его звала она, то зачем? Откуда она могла знать его имя, почему им заинтересовалась? Он не помнил, чтобы когда-нибудь видел ее в замке – во всяком случае, в образе девушки.

Когда он наконец начал засыпать, словно маленькая лодочка, которую столкнули в черный океан, ему показалось, что он следует за тускнеющим светом, ярким, но ускольза-

ющим от него лоскутком. А за окном дождь накрыл темное зеркало озера Джелой.

Глава 27

Башня Паутины

#

Саймон пытался не обращать внимания на руку, которая сжимала его плечо, но не получилось. Открыв глаза, он обнаружил, что в комнате еще темно, и лишь расположение двух созвездий позволяло понять, где находятся окна.

– Дайте поспать, – простонал он. – Еще слишком рано!

– Вставай, юноша! – послышался хриплый шепот Джелой, успевшей надеть свое свободное платье. – Нам нельзя терять времени.

Моргая сухими, причинявшими боль, глазами, Саймон посмотрел мимо стоявшей на коленях женщины и увидел Бинабика, который собирал заплечный мешок.

– Что происходит? – спросил Саймон у тролля, но тот был слишком занят, чтобы разговаривать.

– Я выходила из дома, – сказала Джелой. – Озеро уже нашли – я полагаю, люди, которые тебя ищут.

Саймон сразу сел и потянулся за сапогами. Почти в полной темноте все вокруг казалось нереальным; тем не менее он чувствовал, как отчаянно бьется сердце у него в груди.

– Усирис! – тихонько выругался он. – Что нам делать? Они собираются на нас напасть?

– Я не знаю, – ответила Джелой, собираясь разбудить Ма-лахию – нет, *Марию*, напомнил себе Саймон. – Я знаю про два лагеря: один на дальнем берегу озера, в том месте, где в него впадает речка, другой – недалеко от нас. Они либо знают, кому принадлежит дом, и пытаются принять решение, что делать дальше, – или им еще не известно о его существовании. Возможно, они появились здесь после того, как мы погасили свечи.

Неожиданно у Саймона возник вопрос.

– А откуда вы знаете, что лагерь находится на дальнем конце озера? – спросил Саймон и выглянул в окно. Озеро вновь затянул туман, и он нигде не видел лагерных костров. – Сейчас совсем темно, – закончил он и снова повернулся к Джелой.

Она явно была одета не для прогулок по лесу. И ноги у нее оставались босыми!

Но когда Саймон посмотрел на ее поспешно наброшенную одежду и влажное лицо и волосы, он вспомнил огромные крылья совы, летевшей перед ними в сторону озера. И все еще ощущал сильные когти, что унесли его от ненавистного существа на Дороге Сновидений, которое по капле выдавливало из него жизнь.

– Впрочем, едва ли это важно? – наконец закончил он. – Главное, мы знаем, что они здесь. – Несмотря на слабый лун-

ный свет, он увидел, что женщина-ведьма усмехнулась.

– Ты совершенно прав, юноша Саймон, – тихо сказала она и пошла помогать складывать заплечные мешки для Саймона и Марии.

– Послушай, – сказала Джелой Саймону, когда он оделся и подошел к ней. – Не вызывает сомнений, что вы должны уйти до рассвета. – Она прищурилась и посмотрела на звезды. – А он уже совсем близко. Вопрос лишь в одном: как?

– Нам остается лишь надеяться, – проворчал Бинабик, – что мы сумеем проскользнуть мимо них и, стараясь двигаться бесшумно, оторвемся от преследователей в лесу. Мы совершенно точно не можем *летать*. – Он грустно усмехнулся.

Мария, надевавшая плащ, который ей дала Джелой, с недоумением посмотрела на улыбку тролля.

– Не можете, – серьезно ответила Джелой, – но я сомневаюсь, что вы сумеете проскользнуть мимо жутких псов. Вам не под силу летать, но вы способны *уплыть*. Под домом привязана лодка. Она невелика, но вы в ней поместитесь – в том числе Кантака, если она не будет резвиться. – Джелой с любовью погладила уши волчицы, которая лежала рядом с хозяином.

– И какая нам будет польза? – спросил Бинабик. – Или ты предлагаешь нам отплыть на середину озера, а утром предложить нашим врагам добраться до нас вплавь? – Он завязал мешки и подтолкнул один к Саймону, а другой к Марии.

– В озеро втекает река, – сказала Джелой. – Она узкая, и у нее не слишком быстрое течение, в отличие от той, что привела вас сюда. С четырьмя веслами вы без проблем выберетесь из озера и сможете подняться вверх по реке на некоторое расстояние. – Она нахмурилась, но скорее в задумчивости, а не тревоге. – К несчастью, вам придется миновать один из двух лагерей, и тут мы ничего сделать не можем. Вы должны постараться грести бесшумно, и не исключено, что это поможет вам сбежать. Такой тупоголовый болван, как барон Хаферт – уж поверьте мне, я не раз имела дело с ним и ему подобными! – никогда не подумает, что его добыча проскользнет так близко от него.

– Хаферт меня не беспокоит, – ответил Бинабик. – А вот тот, кто на самом деле возглавляет охоту – черный риммер, Инген Джеггер, – очень даже тревожит.

– Скорее всего, он даже никогда не спит, – добавил Саймон.

Ему совсем не нравились воспоминания об охотнике.

Джелой поморщилась.

– Вы не должны бояться, – сказала она. – Во всяком случае, не позволяйте страху вами овладеть. Возможно, что-то их отвлечет или произойдет что-нибудь для вас полезное... кто знает? – Она встала. – Пойдем, юноша, – сказала она Саймону, – ты достаточно большой. Помоги мне отвязать лодку и бесшумно подвести ее к мостку у дома.

– Ты ее видишь? – прошептала Джелой, указав на темные очертания, подрагивавшие на поверхности озера цвета слоновой кости, рядом с дальним углом приподнятого на сваях дома. – Саймон, уже стоявший по колено в воде, кивнул. – Постарайся не шуметь, – сказала она. «Могла бы и промолчать», – подумал Саймон.

Пробираясь под стоявшим на сваях днищем дома, Саймон подумал, что не ошибся, когда днем ему показалось, будто вокруг дома произошли какие-то изменения. Вот, например, дерево, корни которого наполовину скрыты водой: он видел его в первый день, когда они пришли, но тогда – он мог поклясться, что так и было! – оно находилось на *другой* стороне дома, рядом с дверью. Разве деревья умеют ходить?

Саймон нашел веревку, которой была привязана лодка, пальцами нащупав кольцо на нижней части дома. Ему пришлось немного наклониться, чтобы развязать узлы, и он поморщился, почувствовав странный запах. «Интересно, это от озера или днища дома?» – подумал он. Кроме аромата влажного дерева и плесени Саймон уловил необычный животный запах – теплый и мускусный, но он не назвал бы его неприятным.

Пока он вглядывался в темноту, тени понемногу становились менее густыми, и теперь он даже смог разглядеть узел! Его радость – ему почти сразу удалось его развязать – улетучилась, как только он сообразил, что приближается рассвет: отступавшая тьма была его другом. Вытащив веревку из

кольца, Саймон зашагал обратно, подтягивая за собой лодку, и уже различал смутную фигуру Джелой, которая стояла на доске у двери дома, поспешил к ней... и вдруг споткнулся.

С плеском и приглушенным криком он упал на одно колено, но почти сразу поднялся. За что он зацепился? Ему показалось, что это было бревно. Саймон попытался через него перешагнуть, но ему удалось лишь поставить на него босую ногу, и он с трудом сдержал новый крик. Хотя препятствие лежало совершенно неподвижно, его поверхность напоминала чешую щуки, водившейся во рву Хейхолта, или на кокиндрила, чучело которого Моргенес держал на одной из полок. Когда круги на воде успокоились и он услышал тихий, но встревоженный голос Джелой, спрашивавшей, не поранился ли он, Саймон посмотрел вниз.

Хотя в темноте вода оставалась практически непроницаемой, Саймон не сомневался, что видит лежавшее близко к поверхности странное бревно и две сходящихся на нем чешуйчатых ветки. Казалось, будто они соединены с основанием одной из свай, на которых дом держался над водой.

Когда он осторожно наступил на препятствие, беззвучно скользя по воде в сторону тени, которая была Джелой, он вдруг подумал, что древесные корни – или ветви, или еще что-то – на самом деле похожи... на чудовищную *ногу*. Точнее, коготь птицы. Какая забавная мысль! Дом не только имел птичьи ноги, но и мог... ходить.

Саймон почти не шевелился и помалкивал, пока Джелой

привязывала лодку к основанию доски, на которой стояла.

Наконец все вещи и беглецы заняли места в крошечной лодке: Бинабик устроился на заостренном носу, Мария посередине, Саймон сел на корме, а встревоженная Кантака легла между его коленями. Волчице явно было не по себе, она скулила и сопротивлялась, когда Бинабик приказал ей залезть в шаткое суденышко. Ему даже пришлось слегка стукнуть ее по лбу. Даже в предрассветной темноте Саймон видел на лице тролля беспокойство.

Луна стояла высоко на сине-черном куполе светлеющего западного неба. Джелой, раздав им весла, выпрямилась.

– Когда благополучно выберетесь из озера и немного подниметесь вверх по течению, вам придется немного пронести лодку через лес до реки Эльфвент. Она не такая тяжелая, и там совсем недалеко. Река течет в нужном вам направлении и поможет добраться до Да'ай Чикиза.

Бинабик оттолкнулся веслом от берега. Джелой стояла в воде по щиколотку, пока они медленно гребли к середине озера.

– И помните, – прошептала она, – не опускайте весла глубоко в воду, когда доберетесь до притока. Тишина! Вот ваша лучшая защита.

Саймон поднял ладонь.

– Прощайте, валада Джелой.

– Прощай, юный пилигрим. – Ее голос становился все ти-

ше, хотя расстояние между ними не превышало трех локтей. — Удачи вам всем. И не бойтесь! Я позабочусь о девочке.

Они беззвучно скользили по воде, пока женщина-ведьма не превратилась в далекую тень перед домом.

Нос маленькой лодки скользил по воде, точно бритва брадобрея сквозь шелк. По команде Бинабика они опустили головы, и тролль осторожно направил суденышко к центру озера, над которым все еще стоял туман. Саймон прижался к густому меху Кантаки, чувствуя ее беспокойное дыхание и наблюдая, как рядом с лодкой на поверхности озера образуются небольшие круги; сначала он подумал, что рыбы решили позавтракать мухами-однодневками и комарами, но вскоре почувствовал каплю влаги у себя на затылке, а потом еще одну, и еще. Снова начался дождь.

Когда они приблизились к середине озера, рассекая заросли гиацинтов, словно гирлянды, которыми встречают возвращающегося с войны героя, небо стало светлеть. Рассвет еще не наступил, пройдут часы, прежде чем солнце пробьется сквозь тучи и займет свое место на небе, но казалось, будто кто-то сорвал темную пелену с небес, первый из множества слоев мрака. Линия деревьев, еще совсем недавно казавшаяся лишь темной полосой неизвестности на горизонте, превратилась в уже различимые кроны на фоне серого, точно сланец, неба.

Вода вокруг них была подобна черному стеклу, но они уже могли рассмотреть некоторые детали берега: вялые, бледные

корни деревьев, похожие на кривые ноги нищих, тусклое серебристое сияние обнажившихся гранитных пород – они окружали тайное озеро, словно дворцовая галерея, ждущая появления музыкантов, медленно расставаясь с серыми ночными силуэтами, которые обретали яркие очертания дня.

Удивленная Кантака выгнула спину, когда Мария внезапно наклонилась вперед, чтобы заглянуть за планшир лодки. Она собралась что-то сказать, но в последний момент передумала и лишь показала пальцем чуть правее носа лодки.

Саймон прищурился, а в следующее мгновение увидел необычный силуэт на неровной и одновременно симметричной кромке леса, нечто прямоугольное и массивное, отличавшееся по цвету от темных ветвей вокруг, – полосатый синий шатер.

Вскоре они смогли разглядеть еще несколько шатров, три или четыре, стоявших за первым. Саймон нахмурился, потом презрительно ухмыльнулся: как похоже на барона Хафферта – если вспомнить, что о нем говорили в замке – взять с собой в дикий лес предметы роскоши.

Сразу за маленькими палатками берег озера отступал на несколько локтей назад, а потом возвращался, оставив посреди темное пространство, словно кто-то огромный откусил кусок береговой линии. Здесь ветви деревьев почти касались воды, и понять, тут ли в озеро впадает речка, пока было невозможно, но Саймон не сомневался, что они на правильном пути.

«Именно там, где сказала Джелой! – подумал он. – Какое у нее острое зрение – впрочем, едва ли следует этому удивляться, верно?»

Он указал в сторону темного пятна на границе озера, и Бинабик кивнул, он также его заметил.

По мере того как они приближались к лагерю, где все еще царила тишина, Бинабику пришлось грести немного сильнее, чтобы поскорее проскользнуть мимо берега. Саймон понял, что им уже помогает течение реки, и осторожно поднял весло, приготовившись опустить его в воду. Бинабик уловил его движение краем глаза, покачал головой и одними губами произнес: *«еще рано»*; Саймон так и застыл с поднятым вверх коротким веслом.

Когда они скользили мимо палаток, примерно в тридцати локтях от берега, Саймон заметил темную фигуру между стенками из лазурной ткани, и в горле у него перехватило. Часовой! Саймон разглядел под плащом тусклый блеск металла. Возможно, он сейчас смотрел в их сторону, но Саймон не мог утверждать это с уверенностью – с тем же успехом часовой мог вглядываться в лес, ведь его голову скрывал капюшон.

Через несколько мгновений солдата заметили остальные. Бинабик медленно поднял весло из воды, и все наклонились вперед, надеясь, что часовой их не увидит. Но даже если и посмотрит на озеро, может подумать, будто на волнах покачивается обычное бревно; однако Саймон не сомневался,

что на такую удачу рассчитывать не стоит. Он не мог представить, что часовой их не обнаружит с такого близкого расстояния.

И хотя скорость маленькой лодочки упала, темная тень на берегу приближалась. Да, именно там река впадала в озеро. Саймон видел небольшую рябь вокруг круглого камня выше по течению. Кроме того, лодка почти прекратила движение вперед; более того, ее нос начал поворачивать в сторону под напором встречного течения. Очень скоро им придется опустить весла в воду, или лодка воткнется в берег рядом с голубыми палатками.

В этот момент часовой закончил изучать то, что привлекло его внимание в дальней части лагеря, и повернулся, чтобы посмотреть на озеро.

А в следующее мгновение, еще до того как страх захватил их всех, со стороны деревьев к часовому метнулась темная тень. Она промелькнула мимо ветвей, точно огромный серый лист, и обрушилась ему на шею. Только у *этого* листа были когти; как только часовой их почувствовал, он закричал от ужаса, бросил копье и попытался руками отбиться от атаковавшей его птицы. Серая тень взлетела вверх и повисла у него над головой так, что он не мог ее достать. Он снова закричал, схватившись за шею, и наклонился, чтобы подобрать копье.

– Пора! – прошипел Бинабик. – Гребите!

Троль, Мария и Саймон опустили весла в воду и при-

нялись грести изо всех сил. После нескольких первых усилий вода забурлила, но лодка лишь раскачивалась на месте, однако очень скоро сумела преодолеть встречное течение и скользнула под склоненные ветви.

Саймон оглянулся на часового, капюшон упал ему на плечи, и солдат подпрыгивал на месте, пытаясь схватить напавшую на него птицу. Некоторые его товарищи проснулись и принялись смеяться, глядя на несчастного, бросившего копье и швырявшего камни в ловкую и опасную птицу, однако сова легко от них уклонялась; как только лодка скрылась под низко нависшими над водой ветвями, она взмахнула широким белым хвостом и по спирали стала набирать высоту.

Когда они сражались со встречным течением – что неожиданно оказалось трудным делом, поверхность воды выглядела совершенно неподвижной, – Саймон радостно рассмеялся.

Довольно долго они гребли против течения. И хотя уже могли разговаривать, работа отнимала слишком много сил, и им приходилось беречь дыхание. Наконец, почти через час, они увидели небольшую запруду, окруженную стеной камыша, где остановились, чтобы отдохнуть.

Солнце уже успело взойти, но его жемчужное сияние с трудом пробивалось сквозь пелену облаков. Туман все еще стлался над лесом и рекой, и казалось, будто они попали в сон. Где-то выше по течению река обходила какое-то препят-

ствие, тихое журчание воды сопровождал шум потока, вынужденного менять направление движения.

Тяжело дышавший Саймон наблюдал за Марией, которая, наклонившись к планширу, прижала щеку к руке. Теперь он уже не понимал, как столько времени принимал ее за мальчика, особенно сейчас, когда смотрел на черты ее лица, немного напоминавшие мордочку лисицы, слишком тонкие для мальчишки. От напряженной работы Мария сильно покраснела, Саймон взглянул на румяную щеку, потом его взгляд скользнул вдоль белой длинной шеи к ключице, на распахнутую на шее мужскую рубашку.

«Она гребет совсем не так хорошо... как Хепзиба, – размышлял он. – Ха! Хотел бы я посмотреть, как Хепзиба выдавала бы себя за мальчика! И все же она хорошенькая, пусть немного худая. И у нее такие черные волосы».

Мария, которая продолжала тяжело дышать, прикрыла глаза, а Саймон рассеянно погладил большую голову Кантаки.

– Хорошая работа, она знает свое дело, верно? – весело сказал Бинабик, и Саймон удивленно на него уставился.

– Что?

Бинабик нахмурился.

– Извини. Возможно, вы называете эту птицу «он» в Эркинланде? Или «оно»? Все равно, ты должен согласиться, что Джелой чрезвычайно искусна.

– Бинабик, – признался Саймон, лицо которого постепен-

но принимало нормальный цвет, – я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Маленький тролль тихонько постучал ладонью по плануширу.

– Какую замечательную работу Джелой проделала с деревом и корой, – сказал тролль. – И лодка получилась такой легкой! У нас не должно возникнуть проблем – думаю, мы сможем без труда донести ее до Эльфвента.

– Лодка... – сказал Саймон, кивая, как деревенский дурачок. – Лодка. Да, она замечательная.

Мария выпрямилась.

– Теперь мы попытаемся перебраться на другую реку? – спросила она.

Когда она повернулась, чтобы посмотреть на тонкую полоску леса, которая виднелась между зарослями тростника, Саймон заметил темные круги у нее под глазами и измученный взгляд. В некотором смысле он все еще сердился на Марию за то, как она легко согласилась оставить Лелет с Джелой, однако был доволен, что Мария о ней беспокоилась и что она не просто девчонка, которая постоянно смеется и всех дразнит.

«Ну да, конечно, она не смеется. Пожалуй, я ни разу не видел, чтобы она хотя бы улыбалась, – подумал он. – Впрочем, нам пришлось пережить немало страшных событий, но я все равно не намерен выглядеть подавленным и постоянно хмуриться».

– Это очень разумная идея, – сказал Бинабик, отвечая на вопрос Марии. – Я думаю, шум, который мы слышим, создаст куча камней посреди реки. Если так и есть, нам все равно дальше придется нести лодку. Быть может, Саймон сходит на разведку и посмотрит, что нас там ждет.

– Сколько тебе лет? – спросил Саймон у Марии.

Удивленный Бинабик повернулся и посмотрел на них. Мария с недовольным видом изогнула губы и долго смотрела на Саймона.

– Мне... – начала она и замолчала. – Мне будет шестнадцать в октандере.

– Значит, пятнадцать, – немного самодовольно ответил Саймон.

– А тебе? – сделала ответный выпад девушка.

Саймон ошетинился.

– Пятнадцать!

Бинабик кашлянул.

– Конечно, хорошо, когда моряки с одного судна знакомятся друг с другом, но... быть может, чуть позже. Саймон, не мог бы ты действительно посмотреть, не поджидают ли нас впереди какие-то препятствия?

Саймон уже хотел согласиться, но внезапно у него пропало всякое желание. Он что, мальчик на побегушках? Ребенок, которого взрослые отправляют искать то, что сами не могут найти? И кто принял решение спасти глупую девчонку с дерева?

– Уж если нам все равно нужно перейти на другую реку, зачем что-то проверять? – сказал Саймон. – Давай сразу потащим лодку.

Тролль некоторое время на него смотрел, потом кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Я думаю, моей подруге Кантаке будет полезно размять ноги. К тому же, – он повернулся к Марии, – волки плохие моряки, ты же знаешь.

Некоторое время Мария смотрела на Бинабика так, словно он казался ей еще более странным, чем Саймон, потом мелодично рассмеялась.

– Ты совершенно прав! – сказала она, продолжая смеяться.

Лодка действительно оказалась легкой как перышко, но ее все равно было непросто нести через нависшие над землей ветки и заросли кустарника. Кроме того, Саймон держал ее довольно высоко, чтобы тролль и девушка могли ему помогать, – для этого лодку пришлось перевернуть, и острая часть носа упиралась ему в ключицу. Он не видел своих ног и часто спотыкался о подлесок. Дождь щедро поливал их сквозь кроны деревьев, к тому же руки у Саймона были заняты и он не мог стереть воду с глаз. Поэтому настроение у него окончательно испортилось.

– Бинабик, как *далеко* нам еще идти? – наконец спросил он. – Моя грудь скоро рассыплется на кусочки после ударов проклятой Усирисом лодки.

– Надеюсь, мы уже рядом, – ответил тролль, голос которого прозвучал как-то странно из-под лодки. – Джелой сказала, что Эльфвент довольно долго течет параллельно и их разделяет всего лишь четверть мили. Скоро мы до нее доберемся.

– Жду не дождусь, – мрачно ответил Саймон.

Шагавшая перед ним Мария фыркнула, и Саймон решил, что так она выражает презрение – скорее всего, направленное на него. Он нахмурился, чувствуя, что его мокрые рыжие волосы приклеились ко лбу. Наконец, они услышали новые звуки, частично перекрывавшие мягкий шорох капель дождя по листьям, и Саймон подумал о комнате, полной шепчущихся людей. Кантака помчалась вперед, продираясь сквозь подлесок.

– Ха! – проворчал Бинабик, опуская свой конец лодки. – Видишь? Мы ее нашли! *Т’сиСайасей!*

– А я думала, ее называют Эльфвент. – Мария потерла плечо, на котором лежала лодка. – Или тролли так говорят, когда находят реку?

Бинабик улыбнулся.

– Нет, – сказал он. – Это имя реки на языке ситхи. Они плавали по ней, когда Да’ай Чикиза был их городом. Тебе бы следовало это знать. Эльфвент *означает* «река ситхи» на древнем языке Эркинланда.

– Но тогда что значит... ну, то, что ты сказал сейчас? – спросила Мария.

– Т’си Сайасей? – Бинабик немного подумал. – Трудно

сказать точно. Что-то вроде «у нее холодная кровь».

– У нее? – спросил Саймон, счищая палочкой грязь с сапог. – Ну, и что такое «ее» на этот раз?

– Лес, – ответил Бинабик. – А теперь идем. Ты сможешь смыть грязь водой.

Они отнесли лодку к берегу, протащили ее сквозь заросли рогаза, сломав несколько стеблей, и перед ними раскинулась река – широкое, открытое пространство воды, существенно больше, чем скромный приток, вверх по течению которого они поднялись.

Им пришлось опустить лодку в канаву, намытую течением реки, Саймон, как самый высокий, встал на мели на колени, чтобы подхватить лодку, – и его сапоги действительно стали чистыми. Он придерживал легкое суденышко, пока Мария и тролль помогали забраться внутрь Кантаке, которая все еще относилась к морским путешествиям без малейшего энтузиазма, а потом залезли в лодку сами. Последним на корме уселся Саймон.

– Твое место, Саймон, – мрачно сказал Бинабик, – требует огромной ответственности. Теперь нам не придется так сильно грести, течение понесет нас в нужном направлении, но ты должен рулить и предупреждать, когда впереди появятся камни, чтобы мы успевали отвести лодку в сторону.

– Я справлюсь, – быстро сказал Саймон.

Бинабик кивнул и отпустил длинную ветку, за которую держался; они сразу отплыли от берега, и их подхватило

быстрое течение Эльфвента.

Поначалу Саймон обнаружил, что править лодкой совсем непросто. Часть камней, которые приходилось огибать, находились под поверхностью, и их положение он мог определить только по круглым пикам над водой. Первый из таких камней – Саймон не сумел его заметить – произвел ужасный скрипучий звук, сильно напугавший всех, но маленькая лодка отскочила в сторону, точно овца, испугавшаяся стрижки. Вскоре Саймон разобрался, и временами у него возникало ощущение, будто они скользят по поверхности воды, словно невесомый лист.

Когда они оказались в более широкой и спокойной части реки, оставив позади шум воды вокруг камней, Саймон почувствовал, как его охватывает восторг. Игривые руки реки толкали рулевое весло. Воспоминания о том, как он взбирался по высоким стенам Хейхолта, вернулись – когда он задышался от собственного могущества, а перед глазами открывались бесконечные заплатки возделанных полей. И еще, как сидел на корточках в колокольне башни Зеленого Ангела, глядя вниз на нагромождение домов Эрчестера, изучая окружающий мир, а ветер радостно дул ему в лицо.

И сейчас, на корме маленькой лодки, он снова находился посреди мира и над ним и мчался, словно весенний ветер сквозь кроны деревьев. Саймон поднял весло перед собой... оно превратилось в меч.

– Усирис был моряком, – неожиданно пропел он, и слова

потоком пришли к нему из детства.

Он слышал эту песню очень давно, когда был совсем ребенком.

Усирис был моряком, о да,
Он уплыл за океан давно!
И забрал с собой Слово Господа,
Он отплыл в Наббан-о!

Бинабик и Мария повернулись, чтобы на него посмотреть,
и Саймон ухмыльнулся.

Тьягарис был солдатом в чести,
Он уплыл за океан давно.
Он забрал слово Справедливости
И отплыл в Наббан-о!

Король Джон был правителем, великим, о да!
Он уплыл за океан давно,
Он забрал с собой слово Эйдона
И отплыл в Наббан-о!..¹

Саймон смолк.

– Почему ты замолчал? – спросил Бинабик.

Мария продолжала на него смотреть, и ее взгляд стал задумчивым.

¹ Перевод Аллы Хиврич.

– Больше я не помню, – признался Саймон, опуская весло в бурлящий след, который оставляла лодка. – Я даже не знаю, откуда взялись *эти* слова. Наверное, одна из горничных мне пела, когда я был совсем маленьким.

Бинабик улыбнулся.

– Хорошая песня для путешествия по реке, – заметил он. – Хотя некоторым деталям не хватает исторической точности. Ты уверен, что больше ничего не помнишь?

– Да, это все, – ответил Саймон.

Его не слишком встревожило, что он не сумел вспомнить остальное. Один час, проведенный на реке, полностью исправил его настроение. Саймон уже плавал на рыбацкой лодке в заливе, и ему это нравилось... но нынешнее путешествие не шло ни в какое сравнение, мимо проносился лес, а под ним подрагивала лодка, легкая и послушная рулю, как жеребенок.

– У меня нет песен для плавания по реке, – признался тролль, которого порадовало настроение Саймона. – В горах кануков все реки превратились в лед, и их используют только для катания. Но я мог бы спеть о могучем Чукку и его приключениях...

– Я знаю речную песню, – сказала Мария и провела тонкой белой рукой по густым черным волосам. – На улицах Мермунда поют множество матросских песен.

– Мермунд? – спросил Саймон. – Как девочка из замка могла побывать в Мермунде?

Мария скривила губы.

— А где, по-твоему, принцесса и весь ее двор жили до того, как она перебралась в Хейхолт, — в полях Наскаду? — фыркнула она. — Конечно, в Мермунде. Это самый красивый город в мире, там встречаются океан и великая река Гленивент. — Но *ты* ничего не знаешь, ты там не был. — На ее губах появилась озорная усмешка. — Мальчик из замка.

— Тогда спой! — взмахнув рукой, предложил Бинабик. — Река ждет. Как и лес!

— Надеюсь, я все помню, — сказала она, украдкой посмотрев на Саймона, который ответил ей надменным взглядом, — ее замечание не сумело испортить ему настроение. — Это песня плывущих по реке матросов, — продолжала она, откашлялась и запела — сначала осторожно, потом все увереннее — мелодичным гортанным голосом.

...Теперь те, кто плывут к Большому пруду,
Вам расскажут о тайне его,
И хвастаться море причин найдут:
Кровь, сражения, много всего...

Но спроси матроса любого,
Что по Гленивенту плывет,
И он скажет, что создал Бог океан,
Но главной была Река!

О, Океан, он большой вопрос,

А Река – для всего ответ!
С ее весельем, размеренным взмахом весел,
Прекраснее танца нет.

Так пусть Ад заберет лентяев всех,
Эта старая лодка их не вместит.
Если мы потеряем кого-то здесь,
Мы в Мермунде выпьем за них...

Теперь кто-то выходит в море один,
И его больше не видит никто.
Но каждую ночь мы вместе, речные псы,
Смотрим вместе на кружок дно.

Кто-то скажет, что мы слишком много пьем
И слишком частые гости драк.
Но, если Река давно в сердце твоём,
Можно ночь провести только так.

О, Океан, он большой вопрос,
А Река – для всего ответ!
С ее весельем, размеренным взмахом весел,
Прекраснее танца нет.

Так пусть Ад заберет лентяев всех,
Эта старая лодка их не вместит.
Если мы потеряем кого-то здесь,
Мы в Мермунде выпьем за них...

В Мермунде! В Мермунде!
Мы в Мермунде выпьем за них!
И, если не заметим мы их в воде,
То сэкономим пенни на похоронах².

К тому моменту, когда Мария добралась до припева во второй раз, Саймон и Бинабик уже запомнили слова настолько, что смогли к ней присоединиться. Кантака прижала уши, пока они кричали и вопили, а быстрое течение Эльфвент несло их вперед.

– «Океан, он большой вопрос, а Река – для всего ответ...»

Саймон пел на пределе возможности своих легких, когда нос лодки во что-то врезался и отскочил в сторону: они опять оказались среди камней. К тому моменту, когда им удалось преодолеть опасный участок, все сбили дыхание и не могли петь. Однако Саймон продолжал улыбаться, а серые тучи над лесным пологом снова окатили их новыми потоками дождя, он поднял голову и принялся ловить капли на язык.

– Дождь пошел, – сказал Бинабик, приподняв брови под прилипшими ко лбу волосами. – Я думаю, что мы все промокнем.

Недолгое молчание прервал пронзительный и искренний смех тролля.

Когда свет, просачивавшийся сквозь полог листвы, начал

² Перевод Аллы Хиврич.

тускнеть, они подплыли к берегу и разбили лагерь. После того как Бинабик развел костер с помощью желтого порошка из мешочка, он достал один из пакетов со свежими овощами и фруктами, который дала им Джелой. Предоставленная себе Кантака скрылась в лесу, но вскоре вернулась с мокрой шкуркой и следами крови на довольной морде. Саймон посмотрел на Марию, которая с задумчивым видом посасывала косточку от персика, чтобы посмотреть, какой будет ее реакция на жестокую сторону волчьей натуры, но если девушка что-то и заметила, виду она не подала.

«Должно быть, она работала на кухне у принцессы, – решил Саймон. – И все же если бы я засунул чучело ящерицы ей под плащ, *тогда* – могу спорить – она бы подскочила».

Мысль о том, что она могла работать на кухне у принцессы, заставила его задуматься о том, какие обязанности выполняла Мария на службе у принцессы – и теперь его заинтересовало, почему она за *ним* шпионила? Но когда он попытался задавать ей вопросы о принцессе, Мария лишь качала головой и отвечала, что не станет ничего рассказывать о своей госпоже или службе, пока не доставит послание в Наглимунд.

– Я надеюсь, ты не станешь обижаться на мой вопрос, – сказал Бинабик, когда убрал остатки ужина и достал свой разбирающийся посох, чтобы вытащить из него флейту, – но что ты будешь делать, если Джошуа *нет* в Наглимунде и ты не сможешь передать ему послание?

На лице Марии появилось беспокойство, однако она ничего не ответила. Саймону самому хотелось спросить у Бинабика относительно их планов, про Да'ай Чикиза и Стайл, но тролль уже начал задумчиво наигрывать на флейте. Ночь опустила черное одеяло на великий Альдхорт, и лишь их маленький костер оставался крошечным источником света. Саймон и Мария сидели и слушали музыку тролля под раскачивавшимися кронами деревьев, с которых на них падали капли дождя.

Вскоре после того, как взошло солнце, они уже вновь плыли по реке. Ритм текущей воды стал привычным, как детский стишок: длинные ленивые промежутки спокойной воды, когда им казалось, что их лодка скала, на которой они сидят, в то время как огромное море деревьев марширует мимо вдоль обоих берегов, сменялись быстрым течением, когда они попадали в стремнину, их легкое суденышко потряхивало, словно они превращались в попавшуюся на крючок рыбы. В середине утра дождь прекратился, сквозь нависающие ветки стало пробиваться солнце, и берег с рекой покрылись многочисленными пятнами света.

Улучшение погоды – необычно холодной для месяца мая, чего не мог не заметить Саймон, вспоминая ледяную гору из их общего сна, – заметно подняло им настроение. Когда они плыли в туннеле из склоненных над рекой деревьев, местами залитом великолепными потоками солнечного све-

та, проникавшими сквозь промежутки между ветвями, превращая реку в полированное золотое зеркало, они занимали друг друга беседой. Саймон, сначала неохотно, рассказал им о людях, которых знал в замке, – Рейчел, псаре Тобасе, мазавшем нос черной ламповой сажей, чтобы войти в семью своих подопечных, Питере Золотая Чаша, великане Рубене и остальных.

Бинабик больше говорил о путешествиях своей юности по болотистым просторам Вранна и унылым экзотическим Пустошам к востоку от Минтахока. Даже Мария, несмотря на прежнюю немногословность и ряд тем, которые она всячески обходила, заставляла Саймона и тролля улыбаться, имитируя споры речных матросов и моряков, бороздивших океаны, а также делясь наблюдениями за некоторыми сомнительными аристократами, окружавшими принцессу Мириамель в Мермунде и Хейхолте.

Лишь однажды, во время второго дня их путешествия, разговор обратился к мрачным предметам, тревожившим спутников.

– Бинабик, – спросил Саймон, когда они делили дневную трапезу на залитой солнцем лесной поляне на берегу, – как ты думаешь, нам удалось оторваться от преследователей? Или нас могут разыскивать и другие?

Троль щелчком отбросил косточку от яблока с подбородка.

– Наверняка я ничего сказать не могу, друг Саймон, –

о чем уже говорил. Уверенность есть, что нам удалось проскользнуть мимо них и сразу они не отправились в погоню, но так как я не знаю, по какой причине они нас ищут, то и не могу представить, сумеют ли найти. Известно ли им, что мы направляемся в Наглимунд? Сделать такое предположение совсем нетрудно. Но в нашу пользу есть целых три вещи.

– Какие? – слегка нахмурившись, спросила Мария.

– Во-первых, в лесу гораздо труднее искать, чем прятаться. – Он поднял вверх короткий палец. – Во-вторых, мы используем необычный окольный путь в Наглимунд, который в последние сто лет был не слишком хорошо известен. – В ход пошел другой палец. – И последнее: чтобы знать наш маршрут, эти люди должны услышать его описание от Джелой. – Теперь он выпрямил третий палец. – А этого, я полагаю, слушаться не может.

Саймон втайне также опасался такого поворота событий.

– Но не причинят ли они ей вреда? – спросил он. – У этих людей есть копья и мечи, Бинабик. Сова едва ли сможет долго их пугать, если они поймут, что она с нами заодно.

Бинабик мрачно кивнул и переплел короткие пальцы.

– Я беспокоюсь, Саймон, – сказал он. – Клянусь Дочерью Гор, очень беспокоюсь. – Но ты не знаешь Джелой. Думать о ней лишь как о мудрой деревенской женщине большая ошибка, о которой люди Хаферта могут пожалеть, если не будут относиться к ней с уважением. Валада Джелой долгое время путешествовала по Светлому Арду, много лет

провела в лесах и *очень* долго жила с риммерами. Еще раньше она пришла с юга в Наббан, а о ее более ранних путешествиях вообще никто не знает. Она из тех, кто всегда в состоянии позаботиться о себе – гораздо в большей степени, чем я или, приходится признать, добрый доктор Моргенес. – Он вытащил из сумки последнее яблоко. – Но хватит тревожиться. Река ждет нас, и наши сердца должны быть легкими, чтобы мы могли путешествовать быстро.

Позднее, днем, когда лесные тени стали сливаться в одно большое пятно, распростертое над рекой, Саймон узнал еще об одной тайне Эльфвента.

Он рылся в своем мешке, рассчитывая найти тряпку, чтобы завязать руки и защитить мозоли, появившиеся после долгой гребли, и отыскал что-то, как ему показалось, подходившее для его целей. Оказалось, что он извлек Белую Стрелу, все еще завернутую в оторванный подол рубашки. Саймон с удивлением смотрел на лежавшую на руке стрелу, такую изящную и легкую, – казалось, ее мог унести малейший порыв ветра. Он осторожно ее развернул.

– Посмотри, – сказал он Марии, наклоняясь на Кантакой, чтобы показать то, что лежало у него на ладони. – Это Белая Стрела ситхи. Я спас жизнь одного из них, и он отдал мне стрелу. – Саймон немного подумал. – Точнее, он в меня выстрелил.

Она была поразительно красивой, в тускнеющем свете

стрела, казалось, испускала собственное сияние, будто мерцающая грудь лебедя. Мария посмотрела на стрелу и осторожно коснулась ее пальцем.

– Красивая, – сказала девушка, но в ее голосе Саймон не услышал восхищения, на которое рассчитывал.

– Конечно, она красивая! Она священная. Белая Стрела означает долг. Спроси Бинабика, он тебе расскажет.

– Саймон прав, – заговорил тролль, сидевший, как всегда, на носу лодки. – Это случилось незадолго до нашей встречи.

Мария продолжала спокойно смотреть на стрелу, словно ее разум находился в другом месте.

– Чудесная вещь, – сказала она, но теперь в ее голосе стало лишь немногим больше уверенности. – Тебе повезло, Саймон.

Он и сам не понимал, почему слова Марии вызвали у него ярость. Неужели она не понимает, через какие испытания ему довелось пройти? Кладбища, попавший в ловушку ситхи, псы, неприязнь Верховного короля! Кто *она* такая, чтобы отвечать, как одна из горничных, рассеянно утешавших его, когда он ободрал колено?

– Конечно, – сказал он, держа стрелу перед собой так, чтобы на нее упал почти горизонтальный луч солнца и берег оставался движущимся гобеленом за ней, – ясное дело, меня сюда привела удача – атакованный со всех сторон, покусанный, голодный, преследуемый, с тем же успехом я мог ее и не получить. – Он сердито посмотрел на стрелу, скользнув

взглядом по изящным узорам, которые могли быть историей его жизни с тех пор, как он покинул Хейхолт, сложной, но бессмысленной.

— На самом деле, я могу ее выбросить, — небрежно сказал он. Конечно, он никогда не станет так поступать, но Саймон испытывал странное удовлетворение, что мог сделать вид, будто у него именно такие намерения. — Я хотел сказать, какую пользу она может мне принести?...

Предупреждающий крик Бинабика запоздал: к тому моменту, когда Саймон понял, что произошло, было уже слишком поздно. Лодка ударилась о подводный камень, который находился прямо по ходу; суденышко накренилось, и нос с громким плеском зарылся в воду. Стрела вылетела из рук Саймона и, вращаясь, упала в водоворот, бурливший у камней. Когда корма лодки опустилась, Саймон обернулся, чтобы посмотреть на стрелу; через мгновение лодка наткнулась на другой подводный камень, и Саймон начал падать, а лодка переворачиваться...

Вода оказалась невыносимо холодной. На мгновение Саймону показалось, что он провалился в дыру мира и абсолютную ночь. А потом, отфыркиваясь, он оказался на поверхности, и бушующая вода принялась безумно швырять его в разные стороны. Саймон ударился о камень, его развернуло, и он снова оказался под водой, которая коварно попала в нос и рот. Ему с трудом удалось приподнять голову, а течение тащило его все дальше, ударяя о твердые предметы. Саймон

почувствовал ветер на лице и попытался сделать вдох, но закашлялся; однако почувствовал, как благословенный Усири-сом воздух попал в его горящие легкие.

В следующее мгновение камни закончились, и теперь он плыл свободно, стараясь держать голову над поверхностью воды. Саймон удивился, обнаружив лодку у себя за спиной, она как раз проскочила мимо последних камней. Бинабик и Мария гребли изо всех сил, их глаза были широко раскрыты от страха, но Саймон видел, что расстояние между ними увеличивается. Его сносило вниз по течению, он начал вертеть головой и с ужасом обнаружил, что оба берега находятся довольно далеко. Ему удалось сделать еще один большой глоток воздуха.

– Саймон! – закричал Бинабик. – Плыви к нам! Мы не можем грести достаточно быстро!

Саймон начал барахтаться, стараясь развернуться в противоположном направлении, но река тянула его тысячей невидимых пальцев. Он боролся, пытался сделать из ладоней весла, когда-то так учила его Рейчел – или Моргенес? – когда он купался на отмелях Кинслага, но все его попытки оказывались смехотворными перед могучим течением. Саймон быстро терял силы, он уже не чувствовал ног, лишь холодную пустоту на их месте, когда пытался ими шевелить. Вода заливала ему глаза, отчего деревья на берегу исказились, а потом он и вовсе ушел ниже поверхности.

Что-то ударило в воду возле его руки, и он из послед-

них сил поднялся на поверхность. Оказалось, что это весло Марии. Она перебралась на нос, чтобы при помощи более длинных рук протянуть ему весло, которое теперь находилось всего в нескольких дюймах. Рядом с ней стояла лаявшая Кантака – ее поза полностью повторяла наклонившаяся вперед девушка; легкая лодочка опасно накренилась вперед.

Саймон послал приказ в то место, где прежде находились его ноги, заставляя их двигаться, и выбросил вперед руку. Он едва почувствовал весло, сжимая его онемевшими пальцами, но оно оказалось именно на том месте, где и должно было находиться.

Затем они сумели затащить его внутрь через борт – задача почти невыполнимая, ведь Саймон весил больше любого из них, за исключением волчицы, – и он еще долго кашлял и плевался водой, а потом лежал и дрожал, свернувшись в клубок на дне лодки, пока девушка и тролль искали подходящее место для высадки на берег.

Ему удалось собрать достаточно сил, чтобы выползти из лодки и устоять на дрожавших ногах, но в следующий миг он упал на колени, опираясь благодарными ладонями на мягкую лесную землю; в это время Бинабик вытащил кое-что из мокрой тряпки – куска рубашки Саймона.

– Смотри, что застряло в твоей одежде, – сказал Бинабик, и на его лице появилось странное выражение. В руке он держал Белую Стрелу. – Позволь нам развести для тебя костер, бедный Саймон. – Быть может, ты получил урок – жестокий,

но очень полезный – так что в будущем не говори плохо о дарах ситхи, когда плывешь по их реке.

У Саймона не осталось сил даже на смущение, пока Бинабик помогал ему снять одежду и завернуться в плащ. Очень скоро он заснул возле благословенного огня. Его сны были мрачными, чему не следовало удивляться, полны существ, которые пытались его схватить, и Саймон чувствовал, что задыхается.

На следующее утро облака опустились особенно низко.

Саймон чувствовал себя больным. После того как он прожевал и проглотил пару кусочков сушеного мяса – хотя желудок отчаянно протестовал, – он осторожно забрался в лодку, позволив Марии сесть на корму, а сам устроился посередине, прижавшись спиной к теплому телу Кантаки. Почти весь долгий день на реке Саймон проспал. Мимо скользила зелень леса, отчего у него кружилась голова, которая вдруг стала слишком большой и горячей, как картофелина на углях. Бинабик и Мария по очереди проверяли его лихорадочное состояние. Он проснулся после тяжелого сна, когда его спутники ужинали, и обнаружил, что оба над ним склонились. Прохладная ладонь Марии лежала у него на лбу, и Саймона вдруг посетила мысль, которая его смутила: «Какие у меня странные отец и мать!»

Они остановились на ночь, когда между деревьями прокрались сумерки. Саймон, завернутый в плащ, как ребенок,

сидел рядом с огнем и оторвал руки от груди лишь для того, чтобы выпить бульон, приготовленный троллем из сушеного мяса, репы и лука.

— Завтра мы должны встать с первыми шагами солнца, — сказал Бинабик, протягивая кусок репы волчице, которая понюхала его с доброжелательным равнодушием. — Пусть мы и рядом с Да'ай Чикиза, но не стоит там появляться посреди ночи, когда мы ничего не сможем разглядеть. В любом случае, оттуда нам предстоит долгий подъем на Стайл, и лучше его проделать, когда наступит теплый день.

Саймон затуманенным взором смотрел, как тролль вытаскивает манускрипт Моргенеса из сумки, усаживается на корточки возле мерцающего костра и начинает его читать. Глядя на Бинабика, Саймон подумал, что он похож на маленького монаха, который молится с Книгой Эйдона в руках. Ветер шелестел в кронах деревьев, сбрасывал вниз капли дождя, еще остававшиеся на листьях после дневного ливня. И все это сопровождало непрекращавшееся журчание воды и негромкое пение маленьких речных лягушек.

Саймон не сразу сообразил, что мягкое давление на плечо это не новый сигнал его больного, уставшего тела, с трудом повернул подбородок мимо воротника тяжелого шерстяного плаща, чтобы освободить руку и отпихнуть Кантаку, и тут только сообразил, что Мария положила голову ему на плечо, рот у нее слегка приоткрылся, и она мерно дышала в ритме сна.

Бинабик посмотрел в их сторону.

– Сегодня у всех был трудный день, – сказал он и улыбнулся. – Нам пришлось много грести. Если тебя это не тревожит, пусть поспит немного. – И он вернулся к чтению манускрипта.

Мария зашевелилась рядом с ним и что-то пробормотала. Саймон подтянул повыше плащ, который дала ему Джелой, и, когда грубая ткань коснулась щеки Марии, она снова что-то прошептала, подняла руку и неловко погладила Саймона по груди, а потом придвинулась поближе.

Шорох ее ровного дыхания так близко от его уха заглушал журчание реки и шелест ночного леса. Саймон вздрогнул, почувствовал, как закрываются глаза... но его сердце билось быстро, и именно шум беспокойной крови вывел его на тропу к теплой темноте.

В сером рассеянном свете дождливого рассвета, когда глаза у Саймона еще слипались, а тело оставалось странно онемевшим после слишком раннего подъема, они увидели первый мост.

Саймон снова занял место на корме. Несмотря на то что он плохо ориентировался после возвращения на лодку и выхода в русло реки почти в полной темноте, он чувствовал себя намного лучше, чем вчера, и, хотя легкое головокружение еще осталось, общее состояние уже не вызывало тревоги. Когда они прошли без проблем излучину реки, появив-

шуюся неожиданно из черных теней, он увидел необычный силуэт, нависший над водой, вытер глаза от туманной влаги, рассеянной в воздухе, и прищурился.

– Бинабик, – спросил он, наклонившись вперед, – это...

– Перед нами мост, да, – весело ответил тролль. – Должно быть, Врата Журавля.

Река привела их ближе, и они начали табанить веслами, чтобы сбросить скорость. Мост элегантно аркой тянулся от одного заросшего берега до деревьев на другой стороне. Высеченный из полупрозрачного бледно-зеленого камня, он казался изящным, словно застывшая морская пена. Когда-то его украшала замысловатая резьба, но теперь большая часть поверхности заросла мхом и плющом, а те места, что сохранились открытыми, заметно потускнели, но позволяли разглядеть завитки и дуги со смягченными ветром и дождем переходами. В самой верхней точке моста, у них над головами – они ее заметили, когда лодка скользнула под него, – распростерла крылья прозрачная кремово-зеленая каменная птица.

Они довольно быстро преодолели теневой участок под мостом и оказались на другой стороне. И у них сразу же возникло ощущение, что лес стал древним, словно они через распахнутую дверь вошли в прошлое.

– Много лет назад поглотило Древнее Сердце речные дороги, – тихо сказал Бинабик, когда они повернулись назад, чтобы еще раз посмотреть на быстро уменьшавшийся мост. –

Возможно, и другие создания ситхи постепенно исчезнут.

— Но как могли люди переходить реку по такому мосту? — удивленно спросила Мария. — Он выглядит... хрупким.

— Да, более хрупким, чем прежде, — сказал Бинабик, бросив еще один печальный взгляд назад. — Но ситхи никогда не строят... не *строили* только ради красоты. Их творения всегда отличались прочностью. Разве самая высокая башня в Светлом Арде, построенная ситхи, не стоит до сих пор в вашем Хейхолте?

Мария задумчиво кивнула, а Саймон опустил пальцы в холодную воду.

Они проплыли еще под одиннадцатью мостами, или «вратами», как называл их Бинабик, ведь они в течение тысяч лет обозначали вход по реке в Да'ай Чикиза. Каждые врата названы в честь животного, рассказал им тролль, и связаны с фазой луны. Один за другим они миновали мост Лис, Петухов, Зайцев и Голубей, и каждый отличался от предыдущих формой, был построен из жемчужного лунного камня или яркого лазурита, и все являлись произведением все тех же безупречных рук, заслуживавших благоговения.

К тому моменту, когда солнце поднялось за тучами и наступила середина утра, они проплывали под мостом Соловьев. На дальней стороне пролета все еще сохранилась гордая резьба с блестящими кусочками золота, дальше река сворачивала на запад, снова направляясь к невидимым восточ-

ным склонам гор Вилдхельм. Здесь не было камней, прятавшихся под поверхность, река текла быстро и ровно. Саймон уже собрался задать вопрос Марии, когда Бинабик поднял руку.

Когда они вместе с рекой свернули, им открылась потрясающая картина: целый лес восхитительно прекрасных башен, высившихся, точно головоломка из самоцветов, среди бесконечных крон деревьев. Город ситхи, окаймлявший реку с двух сторон, казалось, вырос из самой земли, рождая ощущение, что перед ними олицетворение сна леса, реализованного в тонком камне сотен оттенков зеленого и бледной синевы неба. Это были огромные заросли тонких, словно иглы, камней, легких аллей, подобных мостам из паутины, филигранных башен и минаретов, тянувшихся к самым высоким кронам, чтобы поймать своими ликами, навевавшими мысли о ледяных цветах, солнечные лучи. Перед ними открылось прошлое мира, такое невыразимо прекрасное, что у них перехватило дыхание и сжималось сердце. Ничего прекраснее Саймону еще не доводилось видеть.

Но когда они оказались в городе и река принялась прокладывать свой извилистый путь между стройными колоннами, стало очевидно, что лес поглощает Да'ай Чикиза. Крытые черепицей башни покрылись трещинами, их со всех сторон обвивал плющ и оплетали ветви деревьев. Во многих местах, где прежде находились стены и двери из дерева или других не самых прочных материалов, каменные контуры остались

без прежней опоры, точно побелевшие скелеты невиданных морских существ. Повсюду растительность брала свое, цепляясь за изящные стены, стараясь задушить равнодушными листьями тонкие изысканные шпильки.

«В некотором смысле, – подумал Саймон, – они стали прекраснее, как если бы лес, полный беспокойства и не получивший желаемого, сам вырастил город».

Тишину нарушил негромкий голос Бинабика, торжественный, под стать моменту, но его эхо быстро потерялось в окружающей зелени.

– «Дерево поющего ветра», так ситхи называли свой город: Да'ай Чикиза. Когда-то – вы можете такое представить? – его наполняла музыка и жизнь. Во всех окнах горели лампы, а по реке плыли лодки под яркими парусами. – Троль склонил голову набок, чтобы посмотреть на последний каменный мост, узкий, точно перо птицы, украшенный изображением оленя с рогами. – Дерево поющего ветра, – отстраненно повторил он, как человек, погружившийся в воспоминания.

Саймон молча направил их маленькое суденышко к берегу с каменными ступенями, которые спускались к причалу, находившемуся почти на одном уровне с поверхностью широкой реки. Они выбрались из лодки и привязали ее к корню, пробившемуся сквозь белый камень. Поднявшись по лестнице, они остановились, молча разглядывая заросшие виноградной лозой стены и покрытые мхом коридоры. Воздух

разрушенного города наполнял его тихим резонансом звуков, точно настроенная, но порванная струна. Даже Кантака казалась озадаченной, она опустила хвост и старательно припихивалась. Затем навестила уши и тихонько заскулила.

Шипение было почти неуловимым. Тень промелькнула мимо лица Саймона, с резким звуком ударила в один из истонченных временем переходов, и во все стороны полетели блестящие осколки зеленого камня. Саймон резко обернулся.

Менее чем в сотне локтей от них, на другом берегу широкой реки стоял мужчина в черных одеждах, в руках он держал огромный лук, размер которого совпадал с его ростом. Дюжина других, одетых в синие и черные накидки, понималась по тропе, чтобы встать рядом с ним. Один из них держал в руке факел.

Мужчина в черном поднес руку ко рту, открыв на мгновение бледную бороду.

– Вам некуда идти! – голос Ингена Джеггера был едва слышен из-за журчания реки. – Именем короля, сдавайтесь!

– Лодка! – крикнул Бинабик, но не успел он и шага сделать к ступеням, как одетый в черное Инген направил что-то тонкое и длинное в сторону своего спутника с факелом в руке; на конце тут же вспыхнул огонь. Через мгновение огненная стрела легла на тетиву. Когда спутники стояли на нижней ступеньке, она преодолела расстояние от одного берега до другого и ударила в борт их суденышка. Кора и де-

рево вспыхнули почти сразу, тролль успел вытащить из лодки лишь одну из сумок, но пламя заставило его отступить. Саймон и Мария бросились бежать вверх по лестнице, Бинабик последовал за ними. Наверху металась и отчаянно лаяла Кантака.

– Бегите! – крикнул Бинабик.

Между тем на другом берегу реки к Ингену подошли два лучника. Саймон пытался добраться до ближайшего укрытия – башни, – когда услышал жуткое гудение еще одной стрелы и увидел, как она ударила в черепицу в двадцати локтях впереди. Еще две угодили в стену башни, которая теперь казалась недостижимо далекой. И тут он услышал полный боли и ужаса крик Марии.

– Саймон!

Он обернулся и увидел, что Бинабик упал у ног девушки. Где-то рядом завыл волк.

Глава 28

Ледяные барабаны

#

Утреннее солнце двадцать четвертого дня месяца майя сияло над Эрнисдарком, превращая золотой диск на самой высокой крыше Таига в круг ослепительного пламени. Небо было голубым, точно покрытая эмалью пластина, как будто Небесный Бриниох прогнал прочь тучи божественным посохом светло-коричневого цвета, заставив их с мрачным видом тесниться возле самых высоких вершин грозного Грианспога.

Внезапное возвращение весны должно было обрадовать сердце Мегвин. По всему Эрнистиру шли необычные для этого времени года дожди, жестокие заморозки мрачной пеленой легли на земли и души подданных ее отца, короля Ллута. Цветы погибали в земле, так и не успев распуститься. В садах яблоки падали с сучковатых веток на землю, маленькие и кислые. Овцы и коровы, отправленные пастись в мокрых полях, возвращались с испуганными, закатившими-ся глазами, побитые градом и окоченевшие от суровых ветров.

Черный дрозд, нахально медливший до самого последнего момента, взлетел с тропинки, по которой шла Мегвин, прямо на голую ветку вишневого дерева, и принялся протестующе чирикать. Не обращая на него внимания, Мегвин приподняла юбку длинного платья и поспешила к покоям короля.

Сначала она не отреагировала на голос, который ее звал, ей не хотелось отвлекаться от намеченного дела. Но потом она неохотно повернулась и увидела, что к ней бежит ее единственный брат Гвитинн. Она остановилась и, скрестив руки на груди, стала его ждать.

Мегвин отметила, что белая туника Гвитинна находится в полном беспорядке, золотое ожерелье сползло назад, словно он был ребенком, а не молодым человеком в возрасте воина. Он добежал до Мегвин и остановился, задыхаясь; она презрительно фыркнула и начала приводить в порядок одежду брата. Принц ухмыльнулся, но терпеливо ждал, когда она поправит ожерелье, чтобы оно вернулось на свое место у него на груди. Длинные каштановые волосы выбились из-под красной ленты, которой он завязал их в конский хвост. Когда она потянулась, чтобы поправить его волосы, их лица оказались совсем рядом, хотя Гвитинн ни в коей мере не был низким мужчиной. Мегвин нахмурилась.

– Клянусь Стадом Багбы, Гвитинн, посмотри на себя! Ты должен исправиться. Придет время, и ты станешь королем!

– А какое отношение будущий королевский сан имеет к моей прическе? К тому же я выглядел очень даже неплохо,

когда вышел, но мне пришлось мчаться как ветер, чтобы догнать тебя с твоими длинными ногами.

Мегвин покраснела и отвернулась. Ее рост был проблемой, которая, несмотря на все попытки, постоянно вызывала у нее раздражение.

– Ну, ты меня догнал, – проворчала она. – Ты собираешься идти во дворец?

– Конечно. – Лицо Гвитинна стало суровым, изменившись, точно ртуть, и он потянул себя за длинные усы. – Мне нужно кое-что сказать нашему отцу.

– Мне тоже. – Мегвин кивнула и пошла дальше.

Их шаги и рост так великолепно соответствовали друг другу, а красновато-рыжие волосы были практически одинакового оттенка, и посторонний человек вполне мог принять их за близнецов, хотя Мегвин родилась на пять лет раньше и от другой матери.

– Наша лучшая племенная свиноматка Эйгонвай умерла вчера вечером. Еще одна, Гвитинн! Что происходит? Неужели это чума, как в Эбенгеате?

– Если чума, – мрачно сказал ее брат, поглаживая оплетенную кожей рукоять меча, – тогда я знаю, кто ее к нам принес. – Он хлопнул по рукояти и сплюнул. – Я лишь молюсь, чтобы он заговорил не в очередь! Бриниох! Как бы я хотел скрестить с ним клинки.

Мегвин прищурилась.

– Не будь глупцом, – резко сказала она. – Гутвульф убил

сотню мужчин. И пусть это прозвучит странно, но он гость в Таиге.

– Гость, оскорбляющий моего отца! – прорычал Гвитинн, вырвав локоть из мягких, но сильных рук Мегвин. – Гость, явившийся с угрозами от Верховного короля, тонущего в своем бездарном правлении, – короля, который важничает и всех оскорбляет, расшвыривает золотые монеты, словно камушки, а потом обращается к Эрнистиру и требует, чтобы мы ему помогли! – Голос Гвитинна становился все громче, и его сестра огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не слышит.

Рядом никого не было, если не считать двух стоявших у дверей стражников, до которых оставалась сотня шагов.

– Где был король Элиас, когда мы потеряли дорогу в Нарвед и Элвритсхолл? Когда разбойники и один лишь Бог знает, кто еще спустились на Фростмарш? – продолжал Гвитинн, лицо которого снова покраснелось.

Когда принц повернулся, чтобы посмотреть на сестру, ее не оказалось рядом. Мегвин остановилась в десяти шагах позади и скрестила на груди руки.

– Ты закончил, Гвитинн? – спросила Мегвин, он кивнул, но его губы оставались плотно сжатыми. – Очень хорошо. Разница между твоим отцом и тобой, брат, не только тридцать с лишним лет. За эти годы он научился понимать, когда следует говорить, а когда держать свои мысли при себе. Вот почему, благодаря отцу, ты когда-нибудь станешь королем

Гвитинном, а не просто герцогом Эрнистира.

Гвитинн долго смотрел на сестру.

– Я знаю, – сказал он, – ты бы хотела, чтобы я был таким, как Эoleyр, кланялся и унижался перед собаками из Эркинланда. Я знаю, ты считаешь Эoleyра солнцем и луной, и тебе безразлично, что он думает о тебе, между прочим, королевской дочери, но я другой. Мы эрнистирийцы! Мы не станем ни перед кем пресмыкаться!

Мегвин бросила на него свирепый взгляд, оскорбленная намеками на ее чувства к графу Над-Муллаху, однако Гвитинн был совершенно прав: Эoleyр смотрел на нее как на неуклюжую и незамужнюю королевскую дочь. Однако слезы, которых Мегвин так боялась, не пришли. Она посмотрела на красивое лицо брата и увидела разочарование и гордость и искреннюю любовь к земле и своему народу, и перед ней снова возник младший брат, тот самый, кого она когда-то носила на плечах и сама не раз дразнила и доводила до слез.

– Почему мы ссоримся, Гвитинн? – устало спросила она. – Откуда взялась тень, упавшая на наш дом?

Брат смущенно опустил взгляд на свои сапоги, а потом протянул ей руку.

– Друзья и союзники, – сказал он. – Давай пойдем к отцу и поговорим с ним до того, как заявится вонючий граф Утаниата, чтобы искренне попрощаться с нашим королем.

Окна большого тронного зала Таига были распахнуты, и

пылилки, поднимавшиеся с пола, застеленного тростником, сверкали в лучах заглянувшего в зал солнца. Толстые деревянные доски из дуба, который рос в Сиркойле, были так тщательно подогнаны друг к другу, что сквозь них не проникал даже тонкий лучик света. Наверху балки потолка украшали тысячи резных фигур богов Эрнистира, героев и чудовищ, которые казались живыми в отраженном свете солнечных лучей, падавших на их гладко отполированные деревянные черты.

В дальнем конце зала солнце вливалось в окна с обеих сторон. Король Ллут-аб-Ллитинн сидел в огромном дубовом кресле под вырезанной из дерева головой оленя, которую венчали настоящие рога. Костяной ложкой король ел кашу с медом, а королева Инавен, его молодая жена, аккуратно вышивала подол одного из одеяний Ллута.

Когда часовые дважды ударили копьями о щиты, возвещая приход Гвитинна – о появлении графа Эoleyра сообщили бы всего одним ударом, король достаивался трех, Мегвин не заслуживала даже одного, – король поднял голову, улыбнулся, поставил тарелку на ручку кресла и вытер седые усы рукавом. Инавен заметила этот жест и бросила беспомощный взгляд на Мегвин, взывая к женской солидарности, что неизменно раздражало королевскую дочь. Мегвин так и не привыкла к матери Гвитинна, Фиатне, которая заняла место ее собственной (мать Мегвин Пенемвайя умерла, когда девочке исполнилось четыре года), но Фиатна хотя бы

являлась ровесницей Ллута, а не девчонкой, как Инавен! И все же молодая золотоволосая женщина была доброй, пусть и немного несообразительной. И она не виновата, что стала третьей женой короля.

– Гвитинн! – Ллут наполовину приподнялся, стряхивая крошки с желтого одеяния, перехваченного поясом. – Кажется, нам повезло и мы можем насладиться солнцем? – Король махнул рукой в сторону окна, довольный, как ребенок, только что научившийся показывать фокус. – Нам оно сейчас совсем не помешает, верно? Быть может, улучшит настроение наших гостей из Эркинланда. – Он соорудил быструю гримасу, черты его умного лица неуловимо изменились, а брови поползли вверх над толстым, крючковатым носом, сломанном в детстве. – Что скажешь?

– Нет, я так не думаю, отец, – ответил Гвитинн, приближаясь к королю, откинувшемуся на спинку огромного кресла. – И я надеюсь, что в качестве ответа, который ты им сегодня дашь, если мне позволительно высказать мое мнение, ты с позором выгонишь их вон. – Он взял стул и уселся у ног короля рядом с помостом, заставив арфиста поспешно отступить назад. – Один из солдат Гутвульфа вчера вечером устроил ссору со старым Краобаном. Мне с трудом удалось его уговорить не всаживать стрелу в спину ублюдка.

На мгновение на лице Ллута появилось беспокойство, но оно почти сразу исчезло за улыбающейся маской, которую Мегвин так хорошо знала.

«О, отец, – подумала она, даже тебе трудно управлять оркестром, когда эти *существа* носятся по всему Таигу».

Мегвин вышла вперед и уселась на край помоста, рядом со стулом Гвитинна.

– Ладно. – Король печально улыбнулся. – Не вызывает сомнений, что король Элиас мог бы выбирать посланников более тщательно. Но сегодня, в тот час, когда они покинут нас, мир снизойдет на Эрнисдарк. – Ллут щелкнул пальцами, к нему подбежал мальчик-слуга и забрал тарелку с кашей.

Инавен недовольно посмотрела ему вслед.

– Ну вот, – с укором сказала она, – ты опять не доел кашу? Что мне делать с твоим отцом? – спросила она, с ласковой улыбкой обращаясь к Мегвин, словно дочь короля была еще одним солдатом в ее бесконечной битве с Ллутом и его трапезами.

Мегвин до сих пор не могла решить, как ей вести себя с матерью, которая была на год моложе.

– Эйгонвай умерла, отец, – поспешно сказала Мегвин. – Наша лучшая свиноматка и десятая в этом месяце. А часть свиней заметно похудели.

Король нахмурился.

– Проклятая погода, – сказал он. – Если бы Элиас мог удержать весеннее солнце в небе, я бы заплатил ему любые налоги. – Он наклонился, собираясь погладить Мегвин по руке, но не сумел до нее дотянуться. – Нам ничего не остается, как класть побольше тростника в свинарники, чтобы хоть

как-то бороться с холодом. А в остальном мы в божественных руках Бриниоха и Мирчи.

Раздался новый стук копья по щиту, и появился герольд, нервно сцепивший руки.

– Ваше величество, – сказал он, – граф Утаниата просит об аудиенции.

Ллут улыбнулся.

– Наши гости решили попрощаться перед тем, как оседлать коней. Конечно! Пожалуйста, немедленно пригласи графа Гутвульфа.

Однако их гость в сопровождении нескольких спутников в доспехах, но без мечей уже прошел мимо древнего слуги.

Гутвульф медленно опустился на одно колено в пяти шагах от помоста.

– Ваше величество... о, и принц. Какая удача. – В его голосе не прозвучало даже намека на насмешку, но в зеленых глазах горел неугасимый огонь. – И принцесса Мегвин. – Он улыбнулся. – Роза Эрнисдарка.

Мегвин постаралась сохранить хладнокровие.

– Сэр, существовала только одна Роза Эрнисдарка, – сказала Мегвин, – она была матерью вашего короля Элиаса, и меня удивляет, что вы об этом забыли.

Гутвульф с серьезным видом кивнул.

– Конечно, леди, я лишь хотел сделать вам комплимент, но должен внести поправку в ваши слова о том, что Элиас *мой* король. Разве он и не ваш король, ведь именно Элиас

занимает Верховный престол?

Гвитинн принялся ерзать на своем стуле, повернулся к отцу, чтобы посмотреть на его реакцию, и его ножны заскребли по деревянной платформе.

– Конечно, конечно, – Ллут медленно взмахнул рукой, словно находился под водой на большой глубине. – Мы уже обсуждали все это, и я не вижу необходимости вдаваться в ненужные подробности. Я признаю долг моего дома перед королем Джоном. И мы всегда его выполняли, как в мирные времена, так и в годы войны.

– Да. – Граф Утаниата встал и отряхнул колени штанов. – Но как относительно долга вашего дома перед королем Элиасом? Он продемонстрировал невероятную снисходительность...

Инавен встала, и одеяние, которое она шила, соскользнуло на пол.

– Прошу меня извинить, – задыхаясь, сказала она, поднимая ткань, – я должна заняться делами, связанными с управлением домом.

Король махнул рукой, показывая, что она может уйти, и королева быстро, но аккуратно прошла мимо стоявших перед помостом людей и с изяществом оленя выскользнула в полуоткрытую дверь, ведущую в коридор.

Ллут тихо вздохнул; Мегвин взглянула на отца и неожиданно увидела на его лице морщины – сказывался возраст.

«Он устал, а Инавен напугана, – подумала Мегвин. – И

какова *моя* реакция? Гнев? Я не уверена – вероятно, у меня больше не осталось сил».

Пока король смотрел на посланца Элиаса, в зале, казалось, потемнело. На мгновение Мегвин испугалась, что тучи снова закрыли солнце и зима возвращается, но потом поняла, что это лишь ее мрачные предчувствия, внезапное прозрение – она вдруг осознала, что на кону сейчас стоит душевный покой ее отца.

– Гутвульф, – начал король, и, казалось, будто его голос склоняется под огромной тяжестью, – не пытайтесь спровоцировать меня сегодня... и не думайте, что способны напугать. Король не показал ни малейшей терпимости к проблемам Эрнистира. Мы пережили тяжелую засуху, идут дожди, которые поначалу мы посчитали благословением, но они стали настоящим проклятием. Каким наказанием может угрожать мне Элиас, когда мои люди напуганы, а скот голодает? Я не в силах заплатить больше.

Несколько мгновений граф Утаниата стоял молча, потом на его лице, очень медленно, появилось суровое выражение, но Мегвин уловила еще и скрытое ликование.

– Никакого более строгого наказания? – спросил граф, наслаждаясь каждым словом, словно они были бальзамом для его языка. – И никакого дополнительного налога? – Он сплюнул сгусток лимонного сока на пол перед креслом короля.

Несколько воинов Ллута вскрикнули от ужаса, арфист, тихо игравший в углу, с грохотом уронил свой инструмент.

– *Пес!* – Гвитинн вскочил на ноги, перевернув стул.

Через мгновение его клинок вылетел из ножен и оказался у горла Гутвульфа. Граф лишь смотрел на сталь, слегка отвернув подбородок в сторону.

– Гвитинн! – рявкнул Ллут. – Убери клинок в ножны, проклятье, убери!

Губы Гутвульфа презрительно изогнулись.

– Пусть продолжает. Давай, щенок, убей меня, безоружного Руку Верховного короля! – У двери послышался шум, люди Гутвульфа, пришедшие в себя, сделали несколько шагов вперед. Рука графа взметнулась вверх. – Нет! Даже если щенок рассекает мне горло от уха до уха, никто не нанесет ответного удара! Вы вернетесь в Эркинланд. Королю Элиасу будет очень... интересно узнать, что здесь произошло. – Его люди в смущении застыли на месте, точно пугала в доспехах.

– Оставь его, Гвитинн, – сказал Ллут, и голос короля наполнил холодный гнев.

Принц, лицо которого покраснело, долго смотрел на эркинландера, потом опустил клинок. Гутвульф провел пальцем по крошечной царапине на шее и спокойно посмотрел на собственную кровь. Мегвин поняла, что все это время она сидела, затаив дыхание; и теперь, когда увидела алое пятнышко на пальце Гутвульфа, к ней вернулась способность дышать.

– Ты сам все расскажешь королю, Утаниат. – Лишь легкая дрожь слышалась в ровном голосе короля. – И, надеюсь,

ты не забудешь упомянуть о смертельном оскорблении, нанесенном тобой Дому Эрна, оскорблении, которое привело бы тебя к немедленной смерти, не будь ты посланцем Элиаса и Рукой короля. Уходи.

Гутвульф повернулся и зашагал к своим людям, застывшим у входа в зал. У двери он остановился и повернулся к королю.

– Помни, что ты не смог заплатить дополнительный налог, – сказал он, – если однажды услышишь, как ревет пламя в балках Таига, а твои дети рыдают.

И тяжелой поступью он вышел из тронного зала.

Мегвин, у которой отчаянно дрожали руки, наклонилась, чтобы поднять куски разбившейся арфы, и намотала порвавшуюся струну на запястье. Потом она подняла голову и посмотрела на отца и брата; и то, что она увидела, заставило ее вновь обратиться к обломку дерева и струне, натянутой вокруг побелевшей кожи.

#

Тиамак тихонько выругался на языке враннов и с безутешным видом посмотрел на пустую клетку из тростника. Третья ловушка, а краба так и не удалось поймать. Рыбья голова, которую он использовал в качестве приманки, естественно, бесследно исчезла. Он мрачно смотрел в темную воду, и у него внезапно возникло неприятное ощущение, что кра-

бы все время оказываются на шаг впереди, – возможно, они даже ждут, когда он бросит в воду клетку с новой головой с выпученными глазами. Он представил целое племя крабов, которые с радостным восторгом выковыривают наживку из клетки при помощи палки или другого инструмента, дарованного им милосердным ракообразным божеством.

«Почитают ли его крабы, заботливого ангела с мягким панцирем, – размышлял он, – или смотрят на него с циничным равнодушием банды бездельников, оценивающих пьяницу, прежде чем избавить его от кошелька?»

Он был практически уверен, что имеет место последний вариант. Тиамак заново положил наживку и, тихонько вздохнув, бросил клетку в воду, постепенно разматывая веревку, к которой она была привязана.

Солнце только что соскользнуло за горизонт, украсив длинное небо над болотами оранжевыми и алыми полосами. Когда Тиамак направлял плоскодонку через протоки враннов – они отличались от земли лишь более низкой растительностью, – у него возникло горькое чувство, что неудачи сегодняшнего дня лишь начало долгого прилива несчастий. Утром он разбил свою лучшую чашу, он потратил два дня, переписывая родословную горшечника Роахога, чтобы за нее заплатить; днем сломал кончик пера и разлил сделанные из ягод чернила на свой манускрипт, испортив практически целую страницу. А теперь, если крабы решат устроить что-то вроде праздника в узком пространстве его послед-

ней ловушки, есть вечером ему будет нечего. Его уже тошнило от отвара из корней и рисового печенья.

Когда он тихо подошел к последней ловушке, сетчатому шару из водорослей, он вознес безмолвную молитву Тому Кто Всегда Ступает по Песку, чтобы маленькие путешественники по дну прямо оказались в приготовленной для них клетке. Из-за необычного образования, включавшего год, прожитый в Пердруине – неслыханное дело для вранна, – Тиамак больше не верил в Того Кто Ступает по Песку, но все еще относился к нему с любовью, как к дряхлому дедушке, который давно покинул его дом, но когда-то приносил в подарок орехи и резные игрушки. К тому же молитва никак не могла повредить, пусть ты и не веришь в того, кому молишься. Она помогала сосредоточиться и, в самом худшем случае, производила впечатление на других.

Ловушка поднималась медленно, и на мгновение сердце в худой смуглой груди Тиамака забилося быстрее, словно пыталось заглушить голодное урчание желудка. Но ощущение сопротивления быстро исчезло, скорее всего, ловушка зацепилась за какой-то корень, а потом освободилась, клетка внезапно выскочила вверх и закачалась на поверхности воды. Что-то шевелилось внутри, Тиамак вытащил клетку и поднял так, что она оказалась между ним и полыхавшим на небе закатом. На него смотрели два крошечных глаза на стебельках – крабик, который исчез бы на его ладони, если бы он сжал пальцы.

Тиамак фыркнул. Он легко мог представить, что произошло под водой: буйные старшие братья-крабы заставили са­мого маленького забраться в ловушку, малыш, оказавший­ся в клетке, плакал, пока братья веселились и размахивали клешнями. Затем появилась гигантская тень Тиамака, клет­ка внезапно поползла вверх, братья-крабы смущенно смот­рели друг на друга, пытаясь понять, как они объяснят отсут­ствие малыша матери.

«И все же, – подумал Тиамак, – учитывая пустой желудок, если это все, что ты добудешь сегодня... конечно, краб ма­ленький, но он будет отлично смотреться в супе». Он снова, прищурившись, заглянул в клетку и вытряс пленника на ла­донь. Зачем обманывать себя? Сегодня он напоролся на пес­чаную отмель, вот и все.

Маленький краб булькнул, когда он бросил его обратно в воду. Тиамак даже не стал снова ставить ловушку.

Когда он поднимался вверх по лестнице от поставленной на якорь лодки к маленькому домику, примостившемуся на смоковнице, Тиамак поклялся, что удовлетворится супом и печеньем. Обжорство – это препятствие, напомнил он себе, преграда между душой и царством правды. Сворачивая лест­ницу, чтобы убрать ее на крыльцо, он подумал о Той Что По­родила Человечество, у нее не было даже приятной чаши с супом из корней, и она существовала только благодаря кам­ням, земле и болотной воде, пока они не соединились у нее

в животе, и тогда она произвела на свет глиняных мужчин, первых людей.

Подобные мысли превращали суп из корней в настоящую удачу, разве не так? К тому же ему в любом случае предстояло много работы: исправить или переписать испорченную страницу манускрипта – это раз. Среди соплеменников его считали странным, но где-то в мире найдутся люди, которые прочитают его исправленные «Совранские зелья целителей Вранна» и поймут, что в топях живут действительно просвещенные люди. Но – увы! – краб ему бы не помешал, как и кувшин пива-фем.

Пока Тиамак мыл руки в чаше с водой, которую приготавливал перед уходом, – для этого ему пришлось присесть на корточки, потому что в доме не было места, чтобы сидеть между идеально высокобленной доской для письма и кувшином с водой, – ему показалось, что на крыше кто-то скребется. Тиамак вытер руки о набедренную повязку и внимательно прислушался. Звук появился снова, сухой хруст, словно кто-то с силой водил по соломе сломанным пером.

Ему потребовалось всего несколько мгновений, чтобы, перебирая руками, вылезти из окна на покатую крышу. Схватившись за длинную изогнутую ветку смоковницы, он добрался до того места, где на коньке крыши стояла маленькая коробочка с крышкой из коры, детский домик, сидевший на спине своей матери. Тиамак заглянул в открытую часть коробки.

И он оказался там: серый воробей, быстро клевавший зернышки, разбросанные на полу маленького домика. Тиамак протянул руку, взял воробья, очень осторожно спустился вниз по крыше и забрался обратно в дом через окно.

Он посадил воробья в клетку для крабов, которая именно для таких случаев свисала с потолочной балки, и быстро развел огонь. Когда в очаге из камня вспыхнуло пламя, он вынул птицу из клетки, чувствуя, как щиплет глаза дым, поднимавшийся из очага в сторону дыры в потолке.

Воробей потерял пару перьев из хвоста, и одно крыло слегка торчало в сторону, словно у него возникли неприятности по пути из Эркинланда. Тиамак знал, что он прилетел из Эркинланда, потому что ему удалось вырастить только этого воробья. Другие птицы были болотными голубями, но Моргенес по какой-то причине настаивал на воробьях — странный он все-таки старик.

После того как Тиамак поставил на огонь котелок с водой, он сделал все, что мог, для серебристого крыла, насыпал воробью зерен и поставил перед ним небольшую чашечку из коры, наполненную водой. Ему хотелось подождать, пока птица поест, чтобы отложить удовольствие от чтения новостей на потом, но в такой плохой день это было слишком. Тиамак растолок в муку немного риса, добавил перец и воду, размешал, слепил из теста печенье и положил несколько штук на горячий камень, чтобы они испеклись.

Кусочек пергамента, обернутый вокруг лапки воробья,

стал неровным по краям, а написанные на нем символы немного размазались, словно птица не раз промокала насквозь, но Тиамак привык к подобным вещам и вскоре прочитал послание. Дата, стоявшая на нем, его удивила: серому воробью потребовался целый месяц, чтобы долететь до Вранна. Но еще больше его поразила текст письма, совсем не на такие новости он рассчитывал.

У него возник холод в животе, который не мог сравниться даже с очень сильным голодом. Тиамак подошел к окну и посмотрел мимо переплетенных ветвей смоковницы на быстро расцветавшие звезды, потом взглянул на небо на севере, и на мгновение ему показалось, будто он ощущает кинжальные порывы холодного ветра, словно морозный клин ворвался в теплый воздух Вранна. Он довольно долго простоял у окна и пришел в себя, лишь уловив запах своего подгоревшего ужина.

#

Граф Эoleyр откинулся на спинку глубокого мягкого кресла и посмотрел на высокий потолок, расписанный картинами религиозного содержания, на которых старательно излагались истории исцеления Усирисом прачки, мученической смерти Сутрина на арене императора Крексиса и другие им подобные. Цвета слегка потускнели, и многие фрески скрывала пыль, словно их накрыли тонкими вуалями. И все

же зрелище было впечатляющим – и это при том, что Эoleyр находился в одной из самых скромных прихожих Санцеллан Эйдонитиса.

«Огромное количество песчаника, мрамора и золота, – подумал Эoleyр, – и все это, чтобы запечатлеть того, кого никто никогда не видел».

На него обрушилась непрощеная волна тоски по родине, как уже не раз случалось за последнюю неделю. Он бы все отдал, чтобы снова оказаться в простом зале Над-Муллага в окружении племянников и племянниц, а также скромных памятников своему народу и богам или в Таиге, в Эрнисдарке, которому всегда принадлежала тайная частичка его сердца, только бы не находиться среди пожиравших землю камней Наббана! Но ветер нес запах войны, и Эoleyр не мог сидеть дома, когда король просил его о помощи. И все же он устал от путешествий. Он бы очень хотел снова увидеть траву Эрнистера под копытами своего коня.

– Граф Эoleyр! Простите меня, пожалуйста, за то, что вам пришлось ждать. – Отец Диниван, молодой секретарь Ликтора, стоял у дальней двери, вытирая руки о черное одеяние. – Сегодня выдался очень напряженный день, а еще даже не наступил полдень. И все же. – Он рассмеялся. – Это неубедительные извинения. Пожалуйста, заходите в мои покои!

Эoleyр последовал за ним, бесшумно ступая по старым, толстым коврам.

– Вот так, – с улыбкой сказал Диниван, протягивая руки к огню, – заметно лучше, верно? Это настоящее безобразие, но мы не в силах держать в тепле огромный дом нашего господина. Здесь слишком высокие потолки. А весна выдалась такой холодной!

Граф улыбнулся.

– По правде говоря, – ответил он, – я этого практически не заметил. В Эрнистире мы спим с открытыми окнами, делая исключение только для самых суровых зим. Мы – люди, живущие под открытым небом.

Диниван приподнял брови.

– А наббанайцы – южане-неженки, не так ли?

– Я ничего подобного не говорил! – Эoleyр рассмеялся. – Но вы, южане, мастерски владеете словами.

Диниван сел на стул с жесткой спинкой.

– Однако его святейшество Ликтор – а он, как известно, родился в Эркинланде – владеет языком лучше любого из нас. Он мудрый и проницательный человек.

– Это я знаю, – сказал Эoleyр. – Именно о нем я намеревался с вами поговорить, святой отец.

– Называйте меня Диниван, пожалуйста. Такова судьба секретаря великого человека – к нему тянутся из-за близости к нему, а не из-за его собственных качеств. – И он соорудил гримасу фальшивой скромности.

Эoleyр вновь подумал, что ему очень нравится этот священник.

– С судьбой не поспоришь, Диниван. А теперь, послушайте меня, пожалуйста. Я полагаю, вам известно, зачем меня сюда отправил мой господин?

– Я был бы глупцом, если бы этого не понимал, – ответил Диниван. – Наступили времена, когда все является поводом для сплетен, люди болтают языками, как возбужденные собаки – хвостами. Ваш господин хочет достигнуть соглашения с Леобардисом, чтобы у них появилась общая цель.

– В самом деле. – Эoleyр отошел от огня и придвинул свой стул к стулу Динивана. – Мы находимся в шатком равновесии: мой Ллут, ваш Ликтор Ранессин, Элиас, Верховный король, герцог Леобардис...

– И принц Джошуа, если он жив, – сказал Диниван, и на его лице появилась тревога. – Да, сейчас равновесие очень шаткое. И вы знаете, что Ликтор категорически не хочет его нарушать.

Эoleyр задумчиво кивнул.

– Я знаю, – сказал он.

– Так почему вы пришли ко мне? – доброжелательно спросил Диниван.

– Я и сам не до конца уверен, – ответил Эoleyр. – Но одно могу вам сказать: складывается впечатление, что готовится некое противостояние, как часто бывает, однако я опасюсь, что все гораздо серьезнее. Вы можете считать меня безумцем, но, по моим прогнозам, этот век заканчивается, и я боюсь того, что может принести новый.

Секретарь Ликтора посмотрел на графа Эoleyра, и на мгновение его простое лицо стало заметно старше, словно в нем отразились скорбь, которую он долго носил в себе.

— Уверяю вас, я разделяю ваши опасения, граф Эoleyр, — наконец сказал он. — Но я не могу выступать от лица Ликтора, за исключением того, что я уже о нем говорил: он мудрый и проникательный человек. — Диниван погладил знак Дерева у себя на груди. — Однако мне по силам немного облегчить вашу сердечную боль: герцог Леобардис еще не решил, кому он окажет поддержку. Хотя Верховный король то льстит ему, то угрожает, Леобардис продолжает сопротивляться.

— Ну, это хорошая новость, — сказал Эoleyр и осторожно улыбнулся. — Когда я встречался с герцогом сегодня утром, он держался очень сдержанно, как если бы опасался, что кто-то увидит, как он слушает меня слишком внимательно.

— Ему следует учитывать определенное количество факторов, как и моему господину, — ответил Диниван. — Но вот что вам необходимо знать — и это важная тайна. Сегодня утром я проводил барона Девасалля на встречу с Ликтором Ранессинном. Барон готовится отправить посольство, которое будет иметь огромное значение как для Леобардиса, так и для моего господина и во многом определит, какую сторону займет Наббан в конфликте. Больше я вам ничего не могу сказать, но надеюсь, что и это кое-что.

— Да, немало. Спасибо за доверие, Диниван.

Где-то в Санцеллан Эйдонитесе раздался низкий звон ко-

локола.

— Колокол Клавина пробил полдень, — сказал отец Диниван. — Пойдемте поедим где-нибудь, выпьем кувшинчик пива и поговорим о более приятных вещах. — По его губам скользнула улыбка, и он снова помолодел. — А вам известно, что однажды я побывал в Эрнистире? У вас очень красивая страна, Эoleyр.

— Однако нам явно не хватает каменных зданий, — ответил граф, коснувшись ладонью стены кабинета Динивана.

— И это одна из привлекательных черт Эрнистира, — рассмеялся священник и повел его к двери.

Борода старика была совсем седой и такой длинной, что при ходьбе ему приходилось заправлять ее за пояс — что он делал несколько последних дней, вплоть до сегодняшнего утра. Его волосы цветом не уступали бороде. И даже куртка с капюшоном и лосины были сшиты из шкуры белого волка, которую снимали очень тщательно; передние лапы скрещивались на груди, а лишенная нижней челюсти голова крепилась к железной шапке, надвинутой на лоб старика. Если бы не куски красного кристалла в пустых глазницах волка и свирепые голубые глаза старика под ними, он мог бы казаться еще одним белым пятном в засыпанном снегом лесу, что раскинулся между озером Дроршуллвен и горами.

Стоны ветра в кронах деревьев стали громче, и с ветвей высокой сосны посыпался снег на присевшего под ней ста-

рика. Он нетерпеливо, как животное, встряхнулся, над ним поднялся легкий туман, и слабый солнечный луч заиграл крошечными радугами. Ветер продолжал свою погребальную песнь, старик в белом потянулся вбок и взял какой-то предмет, казавшийся белым комом, – покрытый снегом камень или кусок дерева. Он поднял его, счистил сверху и с боков снег и сдвинул в сторону матерчатое покрывало, чтобы получить возможность заглянуть внутрь.

Он пошептал в щель и стал ждать, потом на мгновение нахмурил брови, словно его что-то раздражало или тревожило. Поставив диковинный предмет на землю, старик выпрямился и отстегнул пояс из отбеленной шкуры северного оленя, после чего снял куртку из волчьего меха. Безрукавка, которую он носил под ней, также была белой, а кожа жилистых рук казалась лишь немногим более темной, но у правого запястья над меховой рукавицей виднелась змеиная голова, нарисованная яркими чернилами – синими, черными и кроваво-красными. Тело змеи обвивало по спирали правую руку старика, исчезая под безрукавкой, чтобы появиться на левой и закончиться завитком хвоста на запястье. Великолепие красок будто бросало вызов скучному белому лесу, белой одежде и коже старика; с близкого расстояния возникало ощущение, что летучий змей, рассеченный в воздухе, бьется в смертельной агонии в двух локтях от замерзшей земли.

Старик не обращал внимания на гусиную кожу на руках, пока не закончил накрывать курткой сверток, аккуратно по-

доткнув вокруг него полы. Затем он вытащил из-за пазухи сумку, достал кожаный мешочек и выдавил немного желтой мази, которую быстро втер в открытую кожу, и змей заблестел, словно только что появился из влажных южных джунглей. Покончив с этим, старик снова присел на корточки и стал ждать. Он испытывал голод, но последние его припасы закончились еще вчера вечером. В любом случае это не имело значения, потому что те, кого он ждал, скоро придут и у них будет еда.

Опустив подбородок, Ярнауга наблюдал за теми, кто приближался с юга, кобальтовыми глазами, горевшими под ледяными бровями. Он был старым человеком, и суровая погода и время сделали его жестким и худым. В определенном смысле он с нетерпением ждал часа, когда его призовет Смерть и заберет в свои темные безмолвные чертоги. В тишине и одиночестве нет страха; они являлись фундаментом всей его долгой жизни. Он хотел лишь завершить порученное ему дело, передать факел, которым воспользуются другие, когда их окутает мрак, и тогда он сможет расстаться с жизнью и телом так же легко, как стряхивает снег с обнаженных плеч.

Размышляя о торжественных чертогах, которые ждали его за последним поворотом дороги, Ярнауга вспомнил о своем любимом Тунголдире, оставленном две недели назад. Когда он стоял на пороге в тот последний день, маленький городок, где Ярнауга провел большую часть своих девяти десят-

ков лет, раскинулся перед ним, пустой, точно легендарный Хельхейм, куда он отправится, когда работа будет завершена.

Все другие обитатели Тунголдиря сбежали несколько месяцев назад; только Ярнауга остался в деревушке Лунная Дверь, примостившейся среди высоких гор Мимилфеллс, но в тени далекого Стурмспейка – Стормспайка. Зима выдалась такой холодной, что даже риммеры из Тунголдиря не видели ничего подобного, а ночная песнь ветра стала больше похожа на вой и рыдания, пока люди не начинали сходить с ума, утром их находили смеющимися, а рядом лежали мертвые тела членов их семей.

Лишь Ярнауга остался в своем маленьком домике, когда ледяной туман стал плотным, как шерсть, на горных перевалах и узких улицах города, покатые крыши Тунголдиря походили на корабли призрачных воинов, плывущих на облаках. Никто, кроме Ярнауги, не мог видеть хохочущие огни Стормспайка, разгоравшиеся все ярче, и слышать звуки могучей безжалостной музыки, которая вплеталась в удары грома, порой покидала их и разносилась по горам и долинам самой северной провинции Риммерсгарда.

Но теперь даже он – его время, наконец, пришло, о чем он узнал по определенным знакам и посланиям – оставил Тунголдир ради крадущейся тьмы и холода. Ярнауга знал: что бы ни случилось, он больше никогда не увидит солнца и деревянных домов, не услышит пения горных ручьев, что текли мимо его входной двери к могучему Гратуваску. Больше

не стоять ему на своем крыльце в ясные темные ночи весны, глядя на свет на небесах – мерцающее северное сияние, которое он наблюдал с самого детства, а не слабые болезненные вспышки, что теперь играли на темном склоне Стормспайка. Дорога впереди была простой и безрадостной.

Но еще не все казалось очевидным, даже сейчас. Ему по-прежнему требовалось разобраться с отвратительным сном о черной книге и трех мечах. Вот уже две недели он преследовал старика по ночам, но его смысл по-прежнему от него ускользал.

Размышления Ярнауги прервало движение с южной стороны, довольно далеко, там, где начинались деревья, росшие на западной границе Вилдхельма. Он прищурился, затем медленно кивнул и поднялся на ноги.

Пока он надевал куртку, ветер изменил направление, а еще через мгновение на севере возникло далекое бормотание грома. Потом оно повторилось, подобно глухому рычанию просыпающегося зверя. И сразу вслед за ним, но с противоположного направления звук копыт приближавшихся с юга всадников превратился в грохот, заполнивший белый лес холодным громом, словно кто-то начал бить в ледяные барабаны.

Глава 29

Охотники и жертвы

#

Глухой рев реки оглушил Саймона, и на мгновение ему показалось, что движется лишь вода – а лучники на дальнем берегу, Мария, он сам, все замерли после того, как стрела задрожала в спине Бинабика. Затем другая стрела пролетела мимо побелевшего лица Марии, с треском ударила в разбитый карниз из сияющего камня, и все снова пришло в движение.

Смутно воспринимая стремительное движение лучников через реку, Саймон преодолел расстояние до девушки и тролля в три прыжка. Он наклонился, и какая-то отстраненная часть его сознания отметила, что мальчишеские штаны Марии порваны на колене, а стрела пробила его рубашку под рукавом. Сначала ему показалось, что она пролетела мимо, но в следующее мгновение почувствовал, как боль обожгла грудь.

Новые стрелы проносились мимо, ударяли в плитки перед ними и отскакивали от них, точно камни, брошенные в озеро. Саймон быстро наклонился, подхватил затихшего трол-

ля на руки, чувствуя, как страшная жесткая стрела трепещет между пальцами. Потом повернулся так, чтобы его спина оказалась между троллем и лучниками – Бинабик был таким бледным! – и встал. Боль в груди снова обожгла, он пошатнулся, и Мария поддержала его под локоть.

– Клянусь кровью Локена! – выкрикнул одетый во все черное Инген, и его далекий голос прозвучал слабым шепотом в ушах Саймона. – Вы их убьете, идиоты! Я сказал, *не дайте им уйти!* Где барон Хаферт?!

К ним подбежала Кантака, Мария попыталась отогнать волчицу, когда они с Саймоном бежали по лестнице, ведущей в Да'ай Чикиза. Еще одна стрела ударила в ступеньку за их спинами, а потом все успокоилось.

– Хаферт здесь, риммер! – послышался голос на фоне криков одетых в доспехи воинов.

Поднявшись на последнюю ступеньку, Саймон обернулся, и сердце сжалось у него в груди.

Дюжина мужчин в доспехах пробежала мимо Ингена и его лучников, направляясь прямо к воротам Оленей, мосту, под которым Саймон и его спутники проплыли перед тем, как сошли на берег. Барон следовал за солдатами на своем рыжем коне, держа над головой длинное копье. Они не сумели бы убежать даже от пешех солдат – не говоря уже о том, что лошадь барона догонит их через три вдоха.

– Саймон! Беги! – Мария дернула его за руку, когда он споткнулся. – Мы должны спрятаться в городе!

Однако Саймон понимал, что этот план не сулил им никаких надежд. К тому моменту, когда они доберутся до первого укрытия, солдаты барона их догонят.

— Хаферт! — раздался у них за спиной крик Ингена Джегера, голос которого едва не затерялся за рокотом реки. — Ты не можешь! Не будь глупцом, эркинландер, твоя лошадь!..

Остальное заглушил шум воды; если Хаферт и услышал Ингена, он никак не отреагировал на его слова. Через мгновение ноги солдат застучали по мосту, а вслед за ними слышался грохот копыт по камню.

Шум преследования стал громче, Саймон споткнулся о торчавшую из земли плиту и начал падать вперед.

«Копье в спину... — падая, подумал он. — Как это случилось?» А потом он рухнул на плечо, почувствовал сильную боль и сразу перекатился, чтобы защитить прижатое к груди тело.

Саймон лежал на спине и смотрел на пятнышки неба, проглядывавшие между густыми кронами деревьев. Немалый вес Бинабика давил ему на грудь. Мария тянула за рубашку, пытаясь поднять. Он хотел ей сказать, что теперь это уже не имеет значения и больше не нужно ни о чем беспокоиться, но после того, как приподнялся на локте, придерживая тролля другой рукой, увидел, что внизу начали происходить странные вещи.

Посреди длинной дуги моста барон Хаферт и его люди

перестали двигаться; нет, не совсем так, они *раскачивались* на месте – солдаты жались к перилам, барон продолжал сидеть на лошади, Саймон не видел его лица, но поза Хаферта наводила на мысль о том, что он спит. Через мгновение, по причине, которую Саймон не сумел определить, лошадь встала на дыбы и помчалась вперед; солдаты последовали за ней и теперь бежали еще быстрее. А сразу вслед за этим у них за спинами возникло движение – Саймон услышал оглушительный треск, словно гигантская рука переломила ствол, чтобы сделать зубочистку. Средняя часть моста исчезла.

Перед потерявшими дар речи Саймоном и Марией стройная дуга Врат Оленей рухнула вниз, сначала середина, потом все остальное, камни с грохотом падали в ревущую воду. В течение нескольких биений сердца казалось, что Хаферт и его солдаты сумеют добежать до противоположного конца моста; затем обломки полетели вниз, руки, ноги, бледные лица, судорожно дергавшаяся лошадь среди кусков молочного халцедона исчезли в брызгах зеленой воды и белой пены. Через несколько мгновений голова лошади с отчаянно выгнутой шеей появилась несколькими локтями ниже по течению, но почти сразу скрылась в стремительном потоке.

Саймон медленно повернул голову и взглянул на противоположный берег. Два лучника опустили на колени, они не сводили глаз с реки; за ними стоял Инген в черном капюшоне и смотрел вслед своим спутникам. Казалось, его бледные глаза находятся всего в нескольких дюймах...

– *Вставай!* – закричала Мария, потянув Саймона за волосы.

Он с трудом оторвал взгляд от Ингена Джеггера, ему даже показалось, что он слышит, как рвется веревка, поднялся на ноги, продолжая крепко держать тролля; они повернулись и побежали прочь от реки, окруженные эхом и высокими тенями Да'ай Чикиза.

Через сотню шагов у Саймона начали отчаянно болеть руки и возникло ощущение, будто кто-то вонзает ему в бок нож и тут же вытаскивает; он изо всех сил старался не отставать от Марии, оба следовали за мчавшейся по развалинам города ситхи волчицей. С тем же успехом они могли бежать по пещере с деревьями и сосульками, по лесу с вертикальным мерцанием или темному, поросшему мхом рассыпающемуся коридору. Повсюду лежали разбитые плиты, невероятной красоты разрушавшиеся арки заросли паутиной. Саймону казалось, что его проглотил какой-то немислимый великан-людоед с внутренностями из кварца, нефрита и перламутра. Журчание реки у них за спиной стало тише, и звук их хриплого дыхания сливался с топотом ног.

Наконец им показалось, что они добрались до окраины города: высокие деревья, болиголов, кедр и вздымавшиеся сосны теперь стояли близко друг к другу, а вымощенное плиткой покрытие под ногами сменилось тропинками, петлявшими у подножия лесных гигантов.

Саймон остановился, перед глазами у него стало темнеть, он стоял на месте и чувствовал, как раскачивается под ногами земля. Мария взяла его за руку, и они вместе сделали несколько неуверенных шагов к оплетенной плющом груде камней – Саймон, к которому стало постепенно возвращаться зрение, понял, что это колодец. Он осторожно опустил тело Бинабика на заплечный мешок, который несла Мария, потом наклонился над краем колодца, мучительно втягивая воздух в так нуждавшиеся в нем легкие. Бок продолжал болеть.

Мария присела на корточки рядом с троллем, отпихнула в сторону нос Кантаки, которым волчица прижималась к хозяину, – та непонимающе заскулила, потом улеглась на землю, положив голову на передние лапы. Саймон почувствовал, как по его щекам полились горячие слезы.

– Он жив, – сказала Мария.

Саймон посмотрел на нее, потом на бледное лицо Бинабика.

– Что? – переспросил он. – Что ты сказала?

– Он жив, – повторила она, не поднимая головы.

Девушка была права: грудь тролля едва заметно приподнималась и опускалась. Пенистые кровавые пузырьки на нижней губе пульсировали.

– Усирис Эйдон, – прошептал Саймон, вытирая пот со лба. – Нужно вытащить стрелу.

Мария бросила на него быстрый взгляд.

– Ты сошел с ума? Если мы так сделаем, жизнь быстро его покинет! У него не будет никаких шансов!

– Нет. – Саймон покачал головой. – Я помню, доктор говорил, но я не уверен, что сумею это сделать. Помоги снять с него куртку.

После нескольких осторожных попыток они поняли, что куртку снять невозможно, не вытащив сначала стрелу. Саймон выругался. Ему требовалось что-то острое, чтобы разрезать куртку. Он взял спасенную сумку и принялся в ней рыться. И несмотря на печаль и боль с радостью отметил, что Белая Стрела, завернутая в тряпку, все еще с ним. Он вытащил ее и принялся разворачивать.

– Что ты делаешь? – резко спросила Мария. – Разве с нас недостаточно стрел?

– Мне нужно что-то острое, – проворчал он. – Как жаль, что мы потеряли вещи Бинабика... у него был нож.

– Так вот *что* ты делаешь? – Мария засунула руку под рубашку и вытащила небольшой нож в кожаных ножнах. – Джелой сказала, что я должна постоянно держать его при себе, – объяснила она, вынимая нож из ножен и протягивая Саймону. – Но против лучников он нам не помог.

– А лучники не сумели помешать мосту упасть, слава Усирису. – Саймон принялся пилить ножом кожу, из которой была сшита куртка.

– Ты думаешь, что больше ничего не произошло? – спросила Мария через некоторое время.

– Что ты имеешь в виду? – спросил задыхавшийся Саймон.

Работа оказалась тяжелой, ему приходилось резать куртку снизу, минуя стрелу, и постепенно их глазам открывался участок с запекшейся кровью. Саймон медленно продвигался к вороту.

– Ты думаешь, мост просто... упал. – Мария посмотрела на свет, который просачивался сквозь густую листву. – Может быть, ситхи разгневаны из-за того, что произошло с их городом.

– *Тьфу*. – Саймон стиснул зубы и разрезал последний участок шкуры. – Уцелевшие ситхи здесь больше не живут, а если они не умирают, как говорил доктор, здесь нет духов, способных заставить мост упасть. – Он расправил половинки разрезанной куртки тролля и поморщился. Всю спину Бинабика покрывала засохшая кровь. – Ты слышала, что риммер кричал Хаферту: он не хотел, чтобы тот въезжал на лошади на мост. Проклятье, а теперь дай мне подумать!

Мария взмахнула рукой, словно хотела его ударить; Саймон поднял голову, и их глаза встретились. Только сейчас он заметил, что девушка, как и он сам, плакала.

– Я дала тебе мой нож! – сказала она.

Смущенный Саймон покачал головой.

– Просто... дьявол Инген может найти другое место, чтобы перебраться через реку, – сказал он. – С ним по меньшей мере два лучника, и кто знает, что стало с псами... а... этот

маленький человек мой друг. – Он повернулся к окровавленному троллю.

Некоторое время Мария молчала.

– Я знаю, – наконец ответила она.

Стрела вошла в спину под углом, на ладонь в сторону от центра. Осторожно повернув маленькое тело, Саймон сумел просунуть под него руку. Его пальцы быстро нашли острый железный наконечник, торчавший из-под руки Бинабика, рядом с ребрами.

– Адский огонь! Стрела прошла насквозь! – Саймон отчаянно пытался придумать решение. – Сейчас... сейчас...

– Нужно отломить острие, – предложила Мария, и ее голос прозвучал спокойно.

– Конечно! – возбужденно воскликнул Саймон, у которого слегка кружилась голова. – Конечно.

Ему пришлось изрядно помучиться, прежде чем он срезал наконечник стрелы, к этому моменту маленький нож успел затупиться. Когда Саймон закончил, Мария помогла ему положить Бинабика так, чтобы стрела сохраняла максимальную гибкость. Затем, вознеся безмолвную молитву Эйдону, Саймон ее вытащил, и из раны потекла свежая кровь. Посмотрев на ненавистный обломок, Саймон отшвырнул его в сторону. Кантака подняла массивную голову, проводила стрелу взглядом, тихонько заскулила и снова положила голову на лапы.

Они сделали Бинабику повязку из оставшихся от Белой

Стрелы тряпок, используя также полоски, отрезанные от его куртки, после чего Саймон поднял едва дышавшего тролля и пристроил у себя на коленях.

– Джелой сказала, что нам нужно подняться на Стайл, – сказал Саймон. – Я не знаю, где он находится, но полагаю, мы должны продолжать идти в горы.

Мария кивнула.

Солнце, появившееся в просветах между деревьями, рассказало им, что наступил полдень, когда они покинули старый колодец. Они быстро пересекли окраину разрушенного города, и уже через час обнаружили, что земля под их усталыми ногами начинает уходить вверх. Тролль снова стал нелегкой ношей, однако гордость заставляла Саймона молчать, но он обильно потел, а спина и руки болели почти так же сильно, как раненый бок. Мария предложила прорезать дыры для ног в мешке, чтобы Саймон мог нести Бинабика на спине. После недолгих размышлений он отказался от этой идеи. Во-первых, беспомощного, потерявшего сознание тролля будет трясти, во-вторых, им бы пришлось выбросить часть содержимого мешка, а оно, главным образом, было едой.

Когда подъем из пологого стал превращаться в крутой, Саймон махнул рукой Марии, чтобы она остановилась. Он опустил Бинабика на землю и некоторое время стоял, положив руки на бедра и тяжело дыша.

– Мы... должны... я должен... отдохнуть, – задыхаясь,

пробормотал он.

Мария с сочувствием посмотрела на его раскрасневшееся лицо.

– Ты не сможешь поднять его в горы до самого конца, Саймон, – мягко сказала она. – Дальше склон будет более крутым. И руки тебе потребуются, чтобы карабкаться вверх.

– Он... мой друг, – упрямо сказал Саймон. – Я смогу... это сделать.

– Нет, не сможешь. – Мария покачала головой. – Если мы не используем заплечный мешок, чтобы его нести, мы должны... – Ее плечи опустились, и она села на камень. – Я не знаю, что мы должны, но мы *должны*, – закончила она.

Саймон присел с ней рядом. Кантака скрылась из вида, продолжая легко подниматься вверх по склону там, где юноше и девушке пришлось бы приложить немало усилий.

Внезапно Саймону в голову пришла новая идея.

– Кантака! – позвал он, вставая и высыпая содержимое мешка на заросшую травой землю. – Кантака! Иди сюда!

И он принялся лихорадочно работать, невысказанные мысли об Ингене Джеггере заставляли его спешить. Саймон и Мария завернули Бинабика с головы до пят в плащ Марии, потом положил тролля на живот поперек спины Кантаки, после чего привязали остатками одежды, остававшейся в сумке. Саймон вспомнил положение, в котором его везли в лагерь герцога Изгримнура, но он понимал, что, если между раненой грудью и жесткой спиной волчицы будет находиться

мягкая одежда, Бинабик сможет дышать. Саймон знал, что такое решение не слишком удачно для раненого, возможно, умиравшего тролля, но что еще им оставалось делать? Мария была права: для подъема в гору ему потребуются руки.

После того как Кантака успокоилась, она стояла неподвижно, Саймон и Мария работали вместе, а волчица периодически поворачивала голову, чтобы понюхать лицо Бинабика. Когда они закончили и снова начали подниматься вверх по склону, Кантака стала тщательно выбирать путь, словно понимала важность ноши на своей спине и старалась двигаться ровно, без скачков.

Теперь они поднимались быстрее, перебираясь через камни и древние поваленные стволы с ободранной корой. Яркая сфера солнца, свет которого слегка смягчали облака, смотрело на них сквозь ветви, постепенно опускаясь к западу. Серо-белый хвост волчицы мелькал перед их залитыми потом глазами, словно клубы дыма, и Саймон размышлял о том, в каком месте их застанет темнота и чего от нее ждать.

Подъем становился все более крутым, руки Саймона и Марии покрылись царапинами из-за того, что им постоянно приходилось цепляться за кусты и ветви деревьев, пока они, наконец, не выбрались на ровный открытый участок. Кантака выглядела так, словно она не прочь продолжить исследовать уходившую вверх узкую заросшую тропу, но ей пришлось опуститься на мягкую землю, и она вывалила наружу язык. Саймон развязал импровизированную упряжь. Состо-

ание Бинабика, казалось, не изменилось, и дыхание оставалось поверхностным. Саймон осторожно дал троллю напиться из меха с водой, потом передал его Марии. Когда девушка утолила жажду, он напоил Кантаку. А затем и сам сделал несколько глотков.

– Как ты думаешь, это Стайл? – спросила Мария, приглаживая влажные черные волосы.

Саймон лишь кивнул в ответ. Ох уж эти девушки, даже посреди леса беспокоятся о волосах! Мария сильно покраснела, и он заметил, что на носу у нее появились веснушки.

– Вообще, больше похоже на оленью тропу, – наконец сказал он, взглянув на тропинку, уходившую вверх по склону. – Кажется, Джелой говорила, что Стайл принадлежит ситхи. Но я думаю, мы сможем идти по ней еще некоторое время.

«Она не такая уж худая, – подумал он вдруг. – Правильнее сказать „изящная“».

Он вспомнил, как Мария тянулась вверх и ломала ветви у них над головой и как пела грубые матросские песни. Нет, пожалуй, «изящная» тут не совсем подходит.

– Тогда нам пора в путь, – прервала Мария его размышления. – Я проголодалась, но мне бы не хотелось оставаться под открытым небом после захода солнца.

Она встала и принялась собирать тряпки, которые служили упряжью, помогавшей удерживать Бинабика на спине Кантаки, которая воспользовалась последними моментами свободы, чтобы почесать за ухом.

– Ты мне нравишься, Мария, – выпалил Саймон, и ему сразу захотелось отвернуться, убежать *что-то* сделать, но вместо этого он отважно остался стоять на прежнем месте; через мгновение девушка с улыбкой на него посмотрела – и теперь уже *она* выглядела смущенной!

– Я рада, – только и ответила она и на несколько шагов отошла по оленьей тропе, предоставив Саймону, руки которого внезапно стали тяжелыми, заканчивать привязывать Бинабика к волчице.

Когда Саймон закончил затягивать последнюю петлю на мохнатом животе терпеливо стоявшей волчицы, он вдруг взглянул на бледное лицо тролля, застывшее в неподвижности, как после смерти, и ужасно на себя рассердился.

«Ты настоящий олух, Саймон! – мрачно подумал он. – Один из двух твоих ближайших друзей умирает, ты находишься в неизвестном месте, тебя преследуют вооруженные люди или нечто еще более страшное – а ты страдаешь из-за худой служанки! Идиот!»

Он ничего не сказал Марии, когда ее догнал, но она что-то угадала по выражению его лица, одарила задумчивым взглядом, и они продолжили молча подниматься вверх.

Солнце опустилось за зубчатые пики гор, когда оленья тропа стала шире, а через четверть мили превратилась в широкую ровную дорогу, по которой когда-то могли ездить повозки, хотя с тех пор она давно отдала свою независимость

наступавшей со всех сторон природе. Рядом вились тропинки поменьше, едва различимые среди кустарника и деревьев. Наконец, Саймон и Мария добрались до места, где они слились с дорогой, еще через сотню локтей шагали по древним каменным плитам и очень скоро добрались до Стайла.

Широкая, мощенная камнем дорога пересекала тропу, по которой они шли, то круто поднимаясь вверх, то резко спускаясь вниз. Высокая трава пробиваясь между потрескавшимися серыми и белыми плитами; в некоторых местах большие деревья проросли сквозь поверхность дороги, отодвигая вверх и в сторону камни по мере того, как становились больше, так что теперь каждое окружали груды вырванных из земли плит.

– Она приведет нас в Наглимунд, – пробормотал Саймон, обращаясь к самому себе; первые слова, произнесенные им за долгое время.

Мария собралась ему ответить, но что-то на вершине горы привлекло ее внимание. Она продолжала пристально туда смотреть, но то, что вызвало вспышку света, исчезло.

– Саймон, мне кажется, я видела вон там какое-то яркое пятно. – И она указала на вершину горы, до которой оставалось не меньше лиги.

– Что именно ты видела? – спросил он, но она лишь пожала плечами. – Быть может, доспехи, если солнце отразилось от них в такое позднее время, – ответил он на свой вопрос, – или от стен Наглимунда, или... кто знает? – Саймон, при-

щурившись, посмотрел вверх. — Мы не можем сойти с дороги, — продолжал он. — Во всяком случае, если не подойдем поближе, пока еще светло. Я никогда не прощу себе, если не доставлю Бинабика в Наглимунд, в особенности если он... если...

— Я знаю, Саймон, но мне кажется, мы не успеем добраться до вершины до наступления ночи. — Мария пнула камень, и он укатился в высокую траву рядом с дорогой. Она поморщилась. — У меня на одной ноге больше мозолей, чем было на двух за всю мою жизнь. И Бинабику не станет лучше, если он всю ночь будет трястись на спине волчицы. — Она посмотрела Саймону в глаза. — *Если* он выживет. Ты сделал все, что было в человеческих силах, Саймон. Тут нет твоей вины.

— Я понимаю! — сердито ответил Саймон. — Пойдем дальше. Мы можем обсудить это на ходу.

Они снова зашагали вперед, но очень скоро Саймон понял, что Мария права. Он и сам обзавелся многочисленными царапинами и мозолями, и ему хотелось лечь на землю и заплакать — во всяком случае, тому, другому Саймону, который почти всю жизнь провел в лабиринтах Хейхолта и обязательно так бы и поступил — сел бы на камень и потребовал обед и отдых. Но он стал другим: он все еще испытывал боль, но появились вещи, которые были важнее. И все же ему не следовало загонять себя и Марию до смерти.

Наконец, даже Кантака стала слегка беречь одну из передних лап. Саймон уже собрался сдаться, когда Мария замети-

ла еще одну вспышку на вершине горы. И это совершенно определенно не было отблеском солнца: по склонам разливался голубой сумеречный свет.

– Факелы! – простонал Саймон. – Усирис! Ну почему именно сейчас, когда мы почти у цели?!

– Вероятно, именно по этой причине, – ответила Мария. – Чудовище Инген, должно быть, отправился на вершину Стайла, чтобы нас там дожидаться. Нам нужно сойти с дороги!

С тяжелым сердцем они сошли с мощеной дороги в овражек, шедший вдоль склона горы. Теперь они спешили изо всех сил и часто спотыкались в тускневшем свете, пока не нашли небольшую полянку, не шире роста Саймона, защищенную частоколом из молодого болиголова. Когда Саймон в последний раз перед тем, как нырнуть под защиту высокого кустарника, посмотрел вверх, ему показалось, что он видит блестящие глаза еще нескольких факелов, мерцавших вдалеке.

– Пусть эти ублюдки сгорят в аду! – едва слышно проворчал он, присаживаясь на корточки, чтобы отвязать неподвижное тело Бинабика и снять его со спины Кантаки. – Эйдон! Усирис Эйдон! Как бы я хотел иметь меч или лук!

– Может, нам не стоит снимать Бинабика со спины Кантаки? – шепотом спросила Мария. – Что, если нам снова придется убегать?

– Тогда я его понесу, – ответил Саймон. – К тому же, ес-

ли придется убегать, мы можем сдаться прямо сейчас. Не думаю, что я смогу пробежать еще пятьдесят шагов, а ты?

Мария грустно покачала головой.

Они по очереди попили из меха с водой, и Саймон начал массировать запястья и лодыжки Бинабика, пытаясь восстановить кровообращение в холодных конечностях тролля. Теперь Бинабик дышал лучше, но у Саймона не было уверенности, что это будет продолжаться и дальше; тонкая струйка слюны, смешанной с кровью, вытекала из его рта при каждом выдохе. Затем Саймон приподнял веки Бинабика, он однажды видел, что так делал доктор Моргенес, когда горничная упала в обморок, и белки тролля показались ему совсем серыми.

Пока Мария искала в сумке что-нибудь съестное, Саймон собрался поднять одну из лап Кантаки, чтобы выяснить, почему она хромот. Волчица оскалила зубы и весьма впечатляюще зарычала. А когда он попытался продолжить изучение лапы, щелкнула зубами всего в дюйме от его пальцев. Саймон едва не забыл, что имеет дело с волком, и привык относиться к ней, как к собакам Тобаса. Он вдруг почувствовал благодарность – Кантака повела себя очень мирно. Он оставил ее в покое, и она принялась вылизывать оцарапанные подушечки лап.

Вскоре совсем стемнело, и в густеющем мраке на небе начали зажигаться яркие точки звезд. Саймон жевал черствый сухарь, который нашла для него Мария, и жалел, что у него

нет яблока или чего-то сочного, когда послышался неприятный резкий звук, заглушивший песню вечерних сверчков. Саймон и Мария переглянулись, потом посмотрели на Кантаку, чтобы получить подтверждение своим страхам, впрочем, они в нем не нуждались. Волчица наострила уши, в глазах появилась настороженность.

Не было нужды называть существ, злобно лаявших вдалеке. Оба слишком хорошо помнили звуки, которые издавали мчавшиеся за жертвой псы.

– Что нам... – начала Мария, но Саймон покачал головой.

Он в отчаянии стукнул кулаком по стволу дерева, а потом равнодушно смотрел, как кровь потекла по костяшкам пальцев. Пройдет еще несколько минут, и они окажутся в полнейшей темноте.

– Мы ничего не можем сделать, – прошептал он. – Если мы побежим, то оставим им след, по которому они будут нас преследовать. – Ему хотелось еще раз ударить по стволу, чтобы что-нибудь сломать. Глупо, глупо, глупо, проклятое приключение... чем оно теперь завершится?

Пока он сидел, не в силах справиться с яростью, Мария придвинулась к нему, подняла его руку и положила себе на плечи.

– Мне холодно, – только и сказала она.

Саймон устало наклонил к ней голову, и его глаза наполнились слезами разочарования и страха, когда он стал прислушиваться к приближавшемуся со стороны склона шуму.

До них уже доносились голоса мужчин, которые переговаривались, стараясь перекрычать собак. Он бы многое отдал, чтобы иметь меч! И пусть он не умеет им пользоваться, но ему удалось бы причинить врагу хотя бы какой-то вред перед тем, как они его схватят.

Саймон мягко снял руку Марии со своего плеча и наклонился вперед. Насколько он помнил, кожаный мешочек Бинабика лежал на дне сумки. Он взял ее и принялся на ощупь искать мешочек – на поляне стало совсем темно.

– Что ты делаешь? – прошептала Мария.

Саймон нашел то, что искал, и сжал пальцы. Шум частично доносился с севера, примерно на том же уровне на склоне, где они находились. Ловушка почти захлопнулась.

– Подержи Кантаку.

Он встал и прошел вдоль кустарника, пока не нашел ветку подходящего размера, более тяжелый конец которой был толще его руки, принес ее обратно, открыл мешочек с порошком Бинабика и аккуратно высыпал его на ветку.

– Я делаю факел, – сказал он, доставая кремний Бинабика.

– Но разве огонь не приведет их к нам? – спросила девушка, и в ее голосе прозвучало отстраненное любопытство.

– Я не стану его зажигать до самого последнего момента, – ответил Саймон, – но так у меня хотя бы будет чем... от них отбиваться.

Лицо девушки оставалось в тени, но Саймон чувствовал, что она на него смотрит. Она прекрасно понимала, сколько

от этого будет пользы, но Саймон надеялся – и надежда была очень сильной, – что Мария понимает, зачем он так поступает.

Злобный лай собак был уже совсем рядом. Саймон слышал, как они продираются сквозь кусты и громко кричат охотники. Затем треск ломавшихся веток стал громче, прямо над ними, на склоне, он быстро приближался, и Саймон вдруг подумал, что для собак это слишком громкий шум. Он ударил кремнем по камню. Порошок вспыхнул на мгновение, но не загорелся. Должно быть, это скачут всадники. Подлесок трещал так, словно сквозь него ломился фургон.

Ну, загорайся, проклятье, загорайся!

Что-то продралось сквозь кустарник прямо над их убежищем. Мария схватила Саймона за руку так сильно, что ему стало больно.

– Саймон! – закричала она, в этот момент порошок загорелся, и на конце ветки заалело пламя.

Саймон вскочил на ноги, ему пришла в голову лишь одна идея – и он вытянул руку с зажатым в ней факелом, на конце которого полыхал огонь. Кто-то выскочил из-за деревьев, и Кантака с воем вырвалась из объятий Марии.

«Кошмар!» – только и успел подумать Саймон, поднимая факел, свет метнулся вверх и озарил удивленное существо, застывшее перед ним.

Это был великан.

В следующие ужасающие мгновения разум Саймона пы-

тался осмыслить увиденное – огромное существо раскачивалось над ним в свете факела. Сначала ему показалось, что это медведь, потому что тело покрывал густой светлый мех. Но нет, ноги были слишком длинными, а руки с темной кожей похожи на человеческие. Лохматая макушка находилась на три локтя выше Саймона, когда великан наклонился вперед – с почти человеческого лица на юношу смотрели прищурившиеся глаза.

Теперь лай слышался со всех сторон, словно их окружали призрачные демоны, которые оглушительно выли. Зверь выбросил вперед длинную когтистую руку и содрал кожу с плеча Саймона, заставив его отступить назад – юноша едва не уронил факел. Мечущееся пламя на миг озарило Марию и ее широко раскрытые от ужаса глаза – она прижимала к себе неподвижное тело Бинабика, стараясь оттащить его в сторону. Великан открыл рот и загрохотал – только так можно было описать звуки, вырвавшиеся из его глотки, – и снова попытался достать Саймона. Юноша отпрыгнул, зацепился за что-то и упал, но прежде чем великан успел сделать шаг в его сторону, злобное рычание зверя превратилось в стон боли, и великан рухнул на землю.

Кантака укусила его за мохнатое колено, потом серая тень отскочила назад, приготовившись снова атаковать ноги великана. Зверь зарычал и попытался достать волчицу, но промахнулся. Однако его второй удар достал Кантаку, и она отлетела далеко в кусты.

Великан снова повернулся к Саймону, и, когда тот беспомощно поднял перед собой факел, ему удалось разглядеть отразившийся в черных глазах мерцающий свет, а в следующее мгновение из кустарника выскочили собаки, которые оглушительно лаяли, — казалось, ветер заиграл на зубцах тысяч башен. Они шипели, окружив великана, точно разгневанный океан, — казалось, собаки повсюду, они прыгали, кусали огромное чудовище, а он ревел громоподобным голосом и размахивал руками, и сломанные тела разлетались в разные стороны; одна из собак сбила Саймона на землю, факел выскользнул из его рук, но место убитых тут же заняла пятерка новых.

Пока Саймон полз к факелу, в его сознании мелькала череда безумных лихорадочных видений, но внезапно все вокруг озарил свет. Огромная фигура зверя с ревом металась по поляне, потом появились люди, ржали лошади. Темная тень перепрыгнула через Саймона, снова выбив из его рук факел. Лошадь тут же остановилась, всадник приподнялся над своим скакуном, длинное копьё то появлялось в мерцающем свете факела, то исчезало. А в следующее мгновение копьё превратилось в огромный черный гвоздь, торчавший из груди великана, который взревел напоследок и рухнул, чтобы моментально оказаться под живым одеялом из собачьих тел.

Всадник спешил. Мужчины с факелами пробежали мимо него, чтобы оттащить собак; свет факелов озарил лицо

всадника, и Саймон сумел подняться на одно колено.

– Джошуа! – сказал он и упал вперед.

Последнее, что он увидел, было худое лицо принца, освещенное желтым светом факелов, и широко раскрытые, удивленные глаза.

Время шло своим путем, Саймон ненадолго приходил в себя, потом снова проваливался в темноту. Он лежал поперек лошади перед молчавшим мужчиной, от которого пахло кожей и потом, мужчина придерживал Саймона, а его лошадь медленно поднималась на Стайл. Копыта стучали по камню, и Саймон понял, что смотрит на раскачивающийся хвост идущей впереди лошади. Повсюду потрескивали горящие факелы.

Он искал Марию, Бинабика, остальных... где они?

Они въехали в туннель, и стук сердца Саймона отразился от каменных стен. Нет, стук *копыт*. Туннелю, казалось, не было конца.

Потом перед ними появилась огромная деревянная дверь в камне. Она медленно отворилась, свет факелов вырвался наружу, точно вода, пробившая дамбу, и Саймон увидел множество людей, выстроившихся у входа.

Они начали спускаться по длинному склону под открытым небом, лошади шли, выстроившись одна за другой, мерцавшая змея факелов извивалась, уходя вниз по тропе так далеко, насколько Саймон мог видеть. Вокруг была голая

земля с железными кольями.

А под ними, на стенах горело множество факелов, часовые смотрели на процессию, спускавшуюся с гор. Перед ними появились каменные стены, которые то уходили вниз, то снова тянулись ввысь, а они продолжали спускаться по тропе. Ночное небо оставалось темным, как внутренности закрытой бочки, но присоленные звездами. Голова Саймона покачивалась, и он почувствовал, что погружается в сон – или в темное небо, отличить было трудно.

«Наглимунд», – подумал он, когда свет факелов плеснул ему в лицо, а люди на стенах закричали и запели. Потом свет начал отступать, и темнота накрыла его, как лавина эбеновой пыли.

Часть третья

Саймон Снежная прядь

Глава 30

Тысяча гвоздей

#

Кто-то ломал дверь топорами – рубил, кромсал, разбивал на щепки древесину.

– Доктор! – закричал Саймон, садясь, – это солдаты! Пришли солдаты!

Но он находился вовсе не в покоях Моргенеса. Он был закутан в пропитавшиеся потом простыни и сидел на маленькой кровати в небольшой аккуратной комнате. Удары железа по дереву не прекращались; через мгновение дверь в комнату распахнулась, и шум стал еще громче. Незнакомое лицо заглянуло внутрь, бледный длинный подбородок, редкий плюмаж волос, таких же рыжих, как у самого Саймона, – в ярком сиянии солнца. Единственный глаз был голубым. Другой скрывала черная повязка.

– О! – сказал незнакомец. – Ты пришел в себя. Хорошо.

Судя по акценту, незнакомец был эркинландером с небольшой примесью северных низких тонов. Он закрыл за собой дверь, и в комнате сразу стало тише, шум снаружи перестал быть таким громким. Мужчина был одет в длинную серую сутану священника, болтавшуюся на худом теле.

– Меня зовут отец Стрэнгъярд. – Он уселся на стул с высокой спинкой рядом с Саймоном; кроме кровати в комнате стоял низкий столик, заваленный пергаментами и разными мелочами, другой мебели не было. – Как ты себя чувствуешь? Надеюсь, лучше?

– Да... да, наверное. – Саймон огляделся по сторонам. – Где я?

– В Наглимунде, но ты и сам знаешь. – Отец Стрэнгъярд улыбнулся. – А точнее, в моей комнате... и в моей постели. – Священник поднял руку. – Надеюсь, кровать показалась тебе удобной. Тут все устроено не самым лучшим образом, но, Усирис, как глупо с моей стороны! Ты ведь много раз ночевал в лесу, не так ли? – Священник снова неуверенно улыбнулся. – Тут наверняка *удобнее*, чем там?

Саймон опустил ноги на холодный пол, обрадовавшись тому, что он в штанах, но слегка смущенный тем, что они явно принадлежали не ему.

– Где мои друзья? – На него вдруг обрушилась темная мысль, подобная туче. – Бинабик мертв?

Стрэнгъярд поджал губы, словно Саймон позволил себе

богохульство.

– Мертв? Слава Усирису, нет, но он чувствует себя не лучшим образом, ему нехорошо.

– Могу я его увидеть? – Саймон наклонился, пытаясь найти сапоги. – Где он? И где Мария?

– Мария? – На лице священника появилось недоумение, он наблюдал, как Саймон ползает по полу в поисках сапог. – Ну, с твоей другой спутницей все в порядке. И я не сомневаюсь, что со временем ты ее увидишь.

Сапоги нашлись под письменным столом. Пока Саймон их натягивал, отец Стрэнгъярд снял со спинки стула чистую белую блузу.

– Вот, – сказал он. – Ты так торопишься. Ты хочешь сначала увидеть своего друга или поесть?

Саймон уже успел зашнуровать блузу.

– Бинабик и Мария, потом еда, – проворчал он, сосредоточившись. – И еще Кантака.

– Пусть сейчас и наступили тяжелые времена, – укоризненно сказал отец, – мы, в Наглимунде, никогда не ели волков. Я думал, ты относишься к ней, как к другу.

Саймон поднял голову и понял, что одноглазый священник шутит.

– Да, – сказал заметно смутившийся Саймон, – она мой друг.

– Тогда пойдем, – сказал священник, вставая. – Меня попросили позаботиться о тебе, поэтому чем быстрее внутри

тебя окажется еда, тем раньше я выполню поручение. – Он снова открыл дверь, и комната наполнилась солнечным светом и шумом.

Саймон заморгал, глядя на высокие стены крепости и пурпурно-коричневую громаду Вилдхельма, высившегося впереди, на фоне которого часовые в сером казались карликами. Несколько прямоугольных каменных зданий находилось в центре крепости, но здесь обошлись без эксцентрических красот Хейхолта – другой стиль, другая эра. Потемневший от дыма камень песчаника, маленькие окошки, дававшие мало света, и тяжелые двери выглядели так, словно они созданы для одной цели: не впускать чужаков внутрь.

Всего лишь в броске камня, посреди большого внутреннего двора, несколько мужчин, скинувших рубахи, кололи дрова, они уже успели заготовить целый штабель, выше их голов.

– Так вот *откуда* такой шум, – сказал Саймон, глядя на поднимавшиеся и падавшие вниз топоры. – Что они делают?

Отец Стрэнгъярд повернулся, чтобы проследить за взглядом Саймона.

– О, готовят погребальный костер, – ответил он. – Собираются сжечь *гюне* – гиганта.

– Гиганта? – К Саймону разом вернулись воспоминания: рычание, темная кожа лица, огромные руки, тянувшиеся к нему. – Неужели он жив?

– О, конечно, он мертв, – ответил отец Стрэнгъярд и заша-

гал к главным зданиям. Саймон поспешил за ним, бросив последний взгляд на растущую гору дров. – Понимаешь, Саймон, некоторые люди Джошуа хотели устроить спектакль, отсечь голову гиганта, повесить ее на ворота, ну, что-то в таком духе. Принц сразу запретил. Он сказал, что пусть гигант и злое существо, но он не животное. Ты ведь знаешь, они носят одежду? И еще палицы, точнее дубинки. Вот почему Джошуа сказал, что нельзя брать голову гиганта для развлечения. Сказал, что нужно его сжечь. – Стрэнгъярд подергал себя за ухо. – Ну, теперь они его сожгут.

– Сегодня вечером? – спросил Саймон, которому пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать от быстро шагавшего священника.

– Как только будет готов погребальный костер. Принц Джошуа не хочет устраивать ничего особенного, – сказал отец Стрэнгъярд. – Уверен, он предпочел бы похоронить гиганта в горах, но люди хотят быть уверены, что он мертв. – Священник быстро изобразил знак Древа у себя на груди. – Это уже третий гюне, что пришел к нам с севера в этом месяце. Один из них убил брата епископа. Все это противоестественно.

Бинабик лежал в маленькой комнате часовни, которая располагалась в центре двора, главной части крепости. Он был очень бледным и показался Саймону совсем маленьким, словно часть его сущности исчезла, но улыбка осталась неунывающей.

– Друг Саймон, – сказал он, осторожно садясь на постели, и Саймон увидел, что его маленький смуглый торс забинтован до самой ключицы.

Саймону пришлось подавить желание подхватить тролля на руки и обнять, он понимал, что может возобновиться кровотечение из ран, которые только начали заживать. Поэтому он присел на кровать и сжал одну из теплых рук Бинабика.

– Я думал, что тебя уже не вернуть, – сказал Саймон, язык которого вдруг стал неуклюжим и тяжелым.

– Как и я, когда в меня попала стрела, – сказал тролль и грустно покачал головой. – Но оказалось, что она не задела никаких важных органов. За мной хорошо ухаживали, и если не считать того, что мне больно двигаться, в остальном я как новенький. – Бинабик повернулся к священнику: – Сегодня я гулял во дворе.

– Хорошо, очень хорошо. – Отец Стрэнгъярд рассеянно улыбнулся и поправил повязку на глазу. – Ну, мне пора идти. Уверен, вам есть что обсудить. – Он подошел к двери. – Саймон, пожалуйста, оставайся в моей комнате столько, сколько пожелаешь. В данный момент я живу с братом Эглафом. Он издает ужасные звуки, когда спит, но добрый брат согласился меня приютить.

Саймон поблагодарил отца Стрэнгъярда, и, пожелав напоследок Бинабику скорейшего выздоровления, священник ушел.

– Стрэнгъярд обладает очень острым умом, Саймон, –

сказал Бинабик, когда шаги священника стихли в коридоре. – Он мастер архивов замка. У нас с ним уже состоялся интересный разговор.

– Он немного странный, тебе не кажется? И какой-то... рассеянный?

Бинабик рассмеялся, но тут же поморщился и закашлялся. Саймон с беспокойством наклонился к нему, но тролль от него отмахнулся.

– Один момент, ничего больше, – сказал он. Когда ему удалось восстановить дыхание, Бинабик продолжал: – Разум некоторых людей, Саймон, настолько полон мыслями, что они забывают говорить и действовать, как нормальные мужчины.

Саймон кивнул и окинул комнату взглядом, обнаружив, что она очень похожа на спальню Стрэнгъярда: скромная, маленькая, с побеленными стенами. Только здесь не было груд книг и пергаментов, а на письменном столе лежала лишь Книга Эйдона, из которой, словно тонкий язык, торчала алая лента, показывавшая, где остановился последний ее читатель.

– Ты знаешь, где сейчас Мария? – спросил Саймон.

– Не знаю. – Бинабик стал очень серьезным. «Интересно, почему?» – подумал Саймон. – Я полагаю, она передала послание Джошуа. Может быть, он отправил ее обратно к принцессе, где бы она сейчас ни находилась, чтобы она отнесла ответ.

– Нет! – Саймону совсем не понравилась эта идея. – Разве события могут происходить так быстро?

– Так быстро? – Бинабик улыбнулся. – Сегодня утро второго дня после нашего появления в Наглимунде.

Саймон был поражен.

– Но как такое может быть?! – воскликнул он. – Я только что проснулся!

Бинабик покачал головой и опустил на подушку.

– Вовсе нет, – ответил тролль. – Ты проспал большую часть вчерашнего дня, просыпался только чтобы выпить воды, потом снова засыпал. Я думаю, последняя часть нашего путешествия привела к тому, что ты сильно ослабел, не говоря уже о лихорадке, которая у тебя началась, когда мы плыли по реке.

– Усирис! – Саймон почувствовал себя так, словно собственное тело его предало. – И Марию отослали прочь?

Бинабик успокаивающе поднял руку.

– У меня нет уверенности. Я лишь высказал предположение, ничего больше. Вполне возможно, она где-то здесь – может быть, живет с какими-то женщинами или служанками. Она ведь служанка.

Саймон сердито смотрел на тролля. Бинабик мягко взял юношу за руку, которую тот выдернул, придя в невероятное волнение.

– Прояви терпение, друг Саймон, – сказал тролль. – Ты вел себя, как герой, пока мы добирались сюда. Кто знает, что

произойдет в будущем?

– Ты прав... наверное... – Саймон сделал глубокий вдох.

– И ты спас мне жизнь, – проговорил Бинабик.

– А это так важно? – Саймон рассеянно похлопал Бинабика по руке и встал. – Ты также спасал мою – и не раз. Для чего еще нужны друзья?

Бинабик улыбнулся, но в его глазах застыла усталость.

– Друзья есть друзья, – согласился тролль. – Кстати, сейчас мне нужно поспать. В последующие дни нам предстоят важные дела. Ты проверишь, как присматривают за Кантаккой? Стрэнгъярд собирался привести ее ко мне, но, боюсь, это обещание вылетело из его занятой головы, как... – он похлопал по подушке, – как перышко отсюда.

– Конечно, – кивнул Саймон. – А ты знаешь, куда ее поместили?

– Стрэнгъярд сказал... в конюшне, – зевая, ответил Бинабик.

Саймон вышел из комнаты, оказался в центральном дворе и остановился, чтобы посмотреть на проходивших мимо людей, придворных, слуг и священников, но никто из них не обращал на него никакого внимания, что стало для юноши двойным откровением.

Во-первых, он не имел ни малейшего представления о том, где находится конюшня. Во-вторых, ужасно хотел есть. Отец Стрэнгъярд сказал, что он кому-то обещал накормить Саймона, но священник куда-то исчез. Вот уж точно, рассе-

янный старик.

Внезапно Саймон увидел во дворе знакомое лицо, сделал несколько шагов и вспомнил имя.

– Санфугол! – позвал он, и арфист остановился, поглядывая по сторонам и пытаясь понять, кто произнес его имя.

Он увидел бежавшего к нему Саймона и прикрыл глаза, продолжая с недоумением смотреть на остановившегося перед ним юношу.

– Да? – сказал он. Он был в богатом камзоле цвета лаванды, длинные темные волосы изящными волнами спадали на плечи из-под украшенной пером шапочки в тон камзолу. Даже в чистой одежде Саймон почувствовал себя жалким рядом с вежливо улыбавшимся музыкантом. – У тебя ко мне послание?

– Я Саймон. Ты, наверное, не помнишь... мы говорили во время погребального пира в Хейхолте.

Санфугол, слегка нахмурившись, некоторое время на него смотрел, потом его лицо просветлело.

– Саймон! Да, конечно! Воспитанный юноша. Я сожалею, что не узнал тебя сразу. Ты заметно вырос.

– В самом деле? – удивился Саймон.

Арфист усмехнулся.

– Так и есть! И у тебя совершенно точно не было на лице пуха, когда мы виделись в прошлый раз. – Он протянул руку и коснулся подбородка Саймона. – Во всяком случае, я его не помню.

– Пуха? – удивленный Саймон поднял руку и потрогал щеку.

Да, там *была* щетина... но очень мягкая, вроде волосков на руках.

Санфугол рассмеялся.

– Как ты мог не заметить? Когда у меня появилась первая щетина, я каждый день подходил к зеркалу моей матери, чтобы посмотреть, как отросла бородка. – Он поднес руку к своему чисто выбритому подбородку. – Теперь я каждое утро с проклятиями бреюсь, чтобы мое лицо было гладким для леди.

Саймон почувствовал, как краснеет. Наверное, он кажется таким неотесанным!

– Я довольно долго находился далеко от зеркал, – признался Саймон.

– Хм-мм. – Санфугол оглядел его с головы до ног. – И ты стал заметно выше, если меня не обманывает память. И что привело тебя в Наглимунд? Впрочем, я могу и сам догадаться. Сюда многие сбежали из Хейхолта, в том числе и мой господин, принц Джошуа.

– Я знаю, – ответил Саймон, почувствовав, что должен что-то сказать, чтобы восстановить паритет с хорошо одетым молодым человеком. – Я помог ему сбежать.

Арфист приподнял бровь.

– Правда? – сказал он. – Ну, это похоже на интересную историю! Ты уже поел? Или хочешь выпить немного вина?

Я понимаю, что еще рано, но, если честно, я еще не ложился в постель... чтобы поспать.

– Поесть было бы очень неплохо, – признался Саймон, – но сначала я бы хотел сделать кое-что еще. Ты можешь показать мне, где находятся конюшни?

Санфугол улыбнулся.

– Что теперь, юный герой? Ты помчишься в Эрчестер, чтобы привести нам в мешке голову Прайрата? – Саймон снова покраснел, но теперь уже с некоторым удовольствием. – Пойдем, – покачав головой, сказал арфист, – конюшни, потом еда.

Согбенный конюх с мрачным лицом перекидывал вилами сено и с подозрением посмотрел на Саймона, когда тот спросил, где найти Кантаку.

– Ну, и зачем тебе волк? – спросил конюх и покачал головой. – Он такой дикий. Его было неправильно сюда помещать. Зверюга едва не отхватил мне руку.

– Ну, в таком случае, – сказал Саймон, – тебе будет только в радость от нее избавиться. Отведи меня к ней.

– Он настоящий дьявол, – продолжал конюх.

Они последовали за хромавшим мужчиной вдоль темных конюшен и вышли через заднюю дверь в грязный двор, окутанный тенью, падавшими от стены.

– Сюда иногда приводят на убой коров, – сказал конюх, указывая на квадратную яму. – Уж не знаю, зачем принц притащил его сюда, приказав бедному старому Лукуману за

ним присматривать. Ему бы следовало пронзить его копьем, как того гиганта.

Саймон бросил на согбенного конюха презрительный взгляд и подошел к яме. Привязанная к стоявшему у края шесту веревка уходила вниз. Она охватывала шею волчицы, которая лежала на грязном дне ямы.

Саймон был потрясен.

– Что ты с ней сделал?! – закричал он, поворачиваясь к конюху.

Санфугол, осторожно шагая по грязной земле, подошел ближе.

Подозрительность конюха перешла в раздражение.

– Я ничего не делал, – сердито пробормотал он. – Он настоящий дьявол – воет и воет, точно демон. И еще пытался меня укусить.

– Я бы поступил так же, – прорычал Саймон. – И, если честно, я и сейчас готов это сделать. Вытаскивай ее оттуда.

– Интересно, как? – с тревогой спросил конюх. – Хочешь, чтобы я просто потянул за веревку? Он слишком большой.

– Она, идиот. – Саймон уже не мог сдерживать ярость, глядя на несчастную волчицу, которая столько миль была его верной спутницей, а сейчас лежала в темной грязной дыре.

Он наклонился.

– Кантака, – позвал он. – Хей, Кантака!

Она дернула ушами, словно отгоняла надоедливую муху, но глаз не открыла. Саймон огляделся по сторонам и увидел

то, что ему требовалось: колоду для рубки мяса, покрытое шрамами толстое полено, величиной с грудь человека. Саймон подтащил ее к краю ямы, не обращая внимания на конюха и арфиста, которые с удивлением на него уставились.

— А теперь смотри, — позвал он волчицу и сбросил колоду в яму, та с глухим стуком упала на влажную землю, всего лишь в локте от задних лап волчицы.

Кантака слегка приподняла голову, чтобы посмотреть, что произошло, и снова опустила ее на лапы.

Саймон смотрел на Кантаку с края ямы, пытаясь придумать, как выманить ее наружу, но она не обращала на него внимания.

— Ради Усириса, будь осторожен, — сказал Санфугол.

— Ему еще повезло, что зверь сейчас отдыхает, — заявил конюх, с мудрым видом покусывая большой палец. — Вы бы послушали его раньше, когда он выл.

Саймон осторожно соскользнул в яму и приземлился на влажную скользкую грязь на дне.

— Что ты делаешь?! — вскричал Санфугол. — Ты сошел с ума?

Саймон присел на корточки рядом с волчицей и осторожно протянул к ней руку. Она зарычала, но он лишь развел пальцы в стороны. Грязный нос принюхался, Кантака высунула длинный язык и лизнула тыльную сторону ладони Саймона. Он почесал ее за ушами, потом проверил, нет ли у нее порезов или сломанных костей. И ничего серьезного не на-

шел. Он повернулся, поставил колоду вертикально рядом со стеной ямы и снова подошел к волчице. Саймон обнял ее руками и заставил встать.

– Он безумен, не так ли? – прошептал изумленный конюх Санфуголу.

– Закрой рот, – прорычал Саймон, глядя на чистые башмаки и одежду, которые покрылись грязью. – Возьми веревку и тяни по моей команде. Санфугол, отруби ему голову, если он будет медлить.

– Эй, ты чего это? – осуждающе сказал конюх, но веревку взял.

Арфист встал рядом, чтобы ему помочь. Саймон уговорил Кантаку подойти к колоде и поставить на нее передние лапы. Потом Саймон уперся плечом в широкий, заросший густым мехом зад.

– Готовы? Тогда тяните! – крикнул он.

Веревка натянулась. Сначала Кантака сопротивлялась, не позволяя себя вытащить, и стала давить задом на Саймона, ноги которого начали погружаться в мягкую влажную землю. Но в тот момент, когда он испугался, что не устоит и Кантака упадет на него всем своим весом, волчица смягчилась и рванулась вперед. Саймон заскользил, но, к его радости, волчица не остановилась. Конюх и Санфугол завопили от удивления и испуга, когда голова с желтыми глазами оказалась выше края ямы.

Затем Саймон взобрался на колоду и вылез из ямы. Конюх

с ужасом смотрел на волчицу, Кантака отвечала ему злобным взглядом. Санфугол также выглядел заметно напуганным и осторожно отползал от волчицы на собственном заду, забыв о том, что может испачкать свою красивую одежду.

Саймон рассмеялся и помог арфисту подняться на ноги.

– Пойдем со мной, – сказал Саймон. – Мы отведем Кантаку к ее другу и хозяину, тебе будет интересно с ним познакомиться, ну, а потом мы сможем поесть?

Санфугол задумчиво кивнул.

– Теперь, когда я увидел Саймона, Спутника Волков, мне легче поверить в некоторые другие вещи, – сказал он. – В любом случае пора отсюда уходить.

Кантака слегка подтолкнула носом распростертого на земле конюха, и тот испуганно взвизгнул. Саймон отвязал веревку от шеста, и они зашагали по конюшне, оставляя за собой четыре пары следов.

Бинабик и Кантака радовались встрече, а Саймон приглядывал за ними, чтобы еще совсем слабый тролль не пострадал от избытка чувств волчицы. Между тем Санфугол отправился на кухню и вскоре вернулся с большой порцией баранины, сыра, хлеба, завернутых в чистую тряпицу, а еще он принес пиво. Саймон с удивлением заметил, что арфист все еще одет в испачканный камзол.

– На южном бастионе, куда мы пойдем, очень грязно, и я не стану пачкать еще одну смену одежды, – пояснил арфист.

Потом они направились к главным воротам крепости, по

крутой лестнице поднялись на бастион, и Саймон спросил о сновавших по внутреннему двору людях, которых было невероятно много, а также о палатках и навесах, установленных почти на всех открытых пространствах.

– Многие пришли в поисках убежища, – ответил Санфугол. – Большинство из Фростмарша и долины реки Гринвейд. Некоторые из Утаниата – для них рука графа Гутвульфа оказалась слишком тяжелой, но в основном это люди, которых с собственных земель прогнала погода или разбойники. Или другие причины – например гюне. – Он указал на завершённый погребальный костер.

Команда, рубившая дрова, ушла, и штабель возвышался с важным видом, точно разоренная церковь.

На бастионе они устроились на грубо отесанных камнях, солнце уже стояло высоко в небе, и его лучи легко преодолевая редкие облака, Саймон даже пожалел, что у него нет шляпы.

– Либо ты, либо кто-то из твоих спутников привез хорошую погоду. – Санфугол распахнул камзол, чтобы стало не так жарко. – Никогда на моей памяти не было такой странной погоды в майя – снежные бури во Фростмарше, холодные дожди в Утаниате... град! Две недели назад у нас с неба падали ледяные камни размером с птичье яйцо. – Он начал развязать сверток с едой, пока Саймон любовался видом.

Отсюда, почти с верхней точки крепости, Наглимунд раскинулся перед ними, как одеяло.

Замок примостился во впадине с крутыми склонами гор Вилдхельма, как будто лежал на ладони. Ниже западных бастионов, напротив того места, где они устроились, находилась широкая внешняя стена замка; а еще дальше вниз, до самой внешней стены города уходили кривые улочки Наглимунда, за которой раскинулись почти бесконечные пространства скалистых лугов и невысоких холмов.

У дальней стороны, между восточными бастионами и фиолетовой стеной Вилдхельма от вершин дальних холмов шла длинная извивавшаяся тропа, а по обеим ее сторонам поблескивали тысячи темных точек, в которых отражалось солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.